

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

БИБЛИОТЕЧКА ЦЕНТРА РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

ИМИДЖ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ
праваистории.рф
truthrussia.ru

Б.Н. БЕССОНОВ

СОВЕТСКИЙ НАРОД – СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В четырех частях. Часть вторая

Москва
Гуманитарий

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

ЦЕНТРА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

Серия

«Библиотечка Центра развития
социально-гуманитарных проектов»

Из цикла

«ИМИДЖ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ»
праваистории.рф
truthrussia.ru

Б.Н. БЕССОНОВ

СОВЕТСКИЙ НАРОД – СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В четырех частях. Часть вторая

Москва
Гуманитарий
2015

УДК 94(47+57)"1941/1945"

ББК 63.3(2)622

Б53

Бессонов, Борис Николаевич.

Советский народ – спаситель человечества. В 4 ч. Ч. 2 / Б. Н. Бессонов ; Нац. фонд поддержки социал. программ, Центр развития социал.-гуманитар. проектов. – М. : Гуманитарий, 2015. – 64 с. : ил. – (Серия "Библиотечка Центра развития социально-гуманитарных проектов". Из цикла "Имидж России в контексте исторической правды"). – ISBN 978-5-91367-115-8.

В нынешнем – 2015 году наш народ, все честные люди торжественно отмечают 70-летие Великой Победы над фашизмом. Эта годовщина Победы побуждает нас с уважением и благодарностью вспомнить всех тех, кто самоотверженно сражался с фашизмом, кто был его мучеником, кто отдал свою жизнь на алтарь великой победы над фашизмом.

Советские, российские ученые, исследователи из многих других стран, начиная с 20 – 30-х годов XX в., разоблачали и разоблачают классовую суть фашизма, жестокий характер его господства и диктатуры, направленные против прогрессивных слоев общества и демократии, агрессивные, империалистические устремления фашизма, захватнические, грабительские планы, преступные, бесчеловечные цели.

Долг перед советским народом, перед памятью тех, кто сражался и победил фашизм, требует выступить против фальсификаторов истории, еще раз вернуться к феномену фашизма, чтобы разоблачить его преступное лицо и подчеркнуть величие борьбы и победы над фашизмом нашего великого народа.

ББК 63.3(2)622

При реализации проекта использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 25.07.2014 №243-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России

ISBN 978-5-91367-115-8

© Национальный Фонд Поддержки
Социальных Программ, 2015

© Академия гуманитарных исследований, 2015

© Издательский дом «Гуманитарий», 2015

© Б.Н. Бессонов, 2015

Советский народ — спаситель человечества

Часть вторая

§ 3. Фашизм и международная империалистическая буржуазия

Огромную роль в стабилизации и укреплении фашистского режима, особенно в Германии, сыграла поддержка правящих кругов Германии со стороны международных империалистических сил, в частности, стороны монополий и других влиятельных реакционных кругов Франции, Англии, США и других стран. Только за шесть лет, с 1924 по 1929 г., прилив иностранных капиталов, главным образом американских и английских, в Германию по официальным данным составил 10–15 млрд. марок долгосрочных вложений и свыше 6 млрд. марок краткосрочного кредита, причем некоторые источники называют еще более высокие цифры, доходящие до 25 млрд. марок⁹⁸. Эти огромные средства пошли на восстановление позиций германских монополий, подорванных войной, на возрождение и дальнейший рост военно-экономического потенциала германского империализма, благодаря чему были созданы важнейшие предпосылки будущей фашистской агрессии.

Напуганные ростом демократических движений в своих странах, правящие круги западных стран вдохновлялись примером фашистских государств, жестоко расправлявшихся с прогрессивными общественными деятелями. Так, например, лорд Гарольд М. Ротермир, магнат английской прессы, признанный выразитель взглядов крайне правого крыла британской буржуазии, заявлял в 1930 г.: «Если бы молодая Германия национал-социалистов не действовала столь энергично, то возникла бы большая вероятность того, что коммунисты добились бы больших успехов и их партия стала бы даже самой сильной среди других партий... Благоразумно рассудив, следовало бы и в Англии, и во Франции отдать должное национал-социалистам в знак признательности за услуги, которые они оказали Западной Европе... Самое лучшее для блага западной цивилизации заключалось бы в том, если бы к

власти в Германии пришло правительство, проникнутое теми же здоровыми принципами, с помощью которых Муссолини обновил Италию за последние восемь лет»⁹⁹.

После прихода Гитлера к власти империалистические государства начали весьма активное сотрудничество с фашистской Германией, рассчитывая направить ее агрессивность против Советского Союза. При этом следует учесть, что германские империалисты еще со времен Октябрьской социалистической революции в России громогласно твердили, будто миссия Германии – быть оплотом в борьбе против большевизма. Этот лозунг выступал и как фактор, обуславливающий установление «внутреннего покоя и порядка», оправдания террористического подавления рабочего движения, и как средство, помогающее втереться в доверие к победившим империалистическим конкурентам, и как залог будущего сотрудничества с ними в борьбе против СССР.

Осуществив приход к власти, Гитлер откровенно предлагал империалистическим силам Запада рассчитывать на германский фашизм в качестве главной ударной силы против СССР. К этому же апеллировали фашисты Италии. Даже фашистская Румыния твердила о «защите европейской цивилизации», о «великой миссии по уничтожению советского государства». Так, «теоретик» румынского фашизма А. Антонеску призывал помочь Гитлеру и Муссолини в их борьбе за создание «новой Европы», за «установление политического равновесия». Фашистское руководство Румынии всегда заверяло, что Румыния рассматривает свой альянс с Германией не только как политический союз, но и как идеологический, что она «всегда будет идти вместе с Германией» и сражаться на ее стороне «до конечной победы». Румынские фашисты объявили войну против СССР «священной». Солдатам говорилось, что они якобы выполняют «историческую миссию «освобождения своих братьев», защищают «церковь и европейскую цивилизацию от варваров»¹⁰⁰.

Западные лидеры, сами являвшиеся ярыми противниками социалистических идей, приняли фашистский лозунг «защиты цивилизации». Именно миф о «немецком оплоте в борьбе против советского строя» объясняет терпимое отношение Запада к нарушению Германией Версальского договора, к ее милитаризации, аннексии Австрии. В 1936 г. была еще

возможность остановить Гитлера. Но Франция и Великобритания не сделали для этого ничего. В марте 1936 г. Гитлер ввел войска в Рейнскую область. Франция имела право и военную силу противостоять этому. Но она, как саркастически выразился Р. Арон, во имя мира и морального прогресса этого не сделала. Этот «моральный прогресс» расчищал путь к войне. Предательство западными державами Чехословакии в результате мюнхенского стовора также имело своей целью подтолкнуть Гитлера к агрессии против СССР. Лорд Галифакс, ближайший советник Чемберлена, в беседе с Гитлером (19 ноября 1937 г.) подчеркивал, что «он и другие члены английского правительства прониклись пониманием того, что великого сделал фюрер не только для Германии», но также и Западной Европы. Поэтому Германию можно рассматривать как бастион Запада против советской страны»¹⁰¹.

Проницательный У. Черчилль остро критиковал правительство Великобритании, возглавленное Чемберленом, за враждебное отношение к СССР в условии возрастающей угрозы нацизма. «На востоке Европы находится великая держава Россия, страна, которой глубочайшим образом угрожает нацистская враждебность... Какими бы близорукими глупцами мы были, если бы сейчас, когда опасность так велика, мы чинили бы ненужные препятствия присоединению великой русской массы к делу сопротивления акту нацистской агрессии»¹⁰². Черчилль безоговорочно охарактеризовал Мюнхенское соглашение как полное и ничем не оправданное поражение Великобритании и Франции.

Английские и французские правящие круги, все, кто задавал тон в политике этих стран, — Даладье, Лаваль, Рейно, маршал Петэн, Чемберлен, Галифакс и другие — рассчитывали, что Гитлеровская Германия пойдет на сделку с Францией и Англией для того, чтобы затем сообща обрушиться на Советский Союз. В условиях роста в Англии и особенно во Франции влияния демократических сил, что во Франции нашло выражение в организации Народного фронта, империалистические круги буржуазии испытывали острый страх за свою судьбу. В борьбе с силами демократии их вдохновлял пример гитлеровской Германии и они желали заключить с ней союз. Именно в этот период и в этих кругах был выдвинут лозунг: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт». Этот лозунг

в значительной степени объясняет все действия французской реакции как в довоенный период, так и во время войны.

Генерал Ш. де Голль, один из выдающихся организаторов французского Сопротивления нацистам, президент Французской республики после Победы, напишет в своих мемуарах: в 20-е — 30-е гг. Англия попустительствовала Берлину. Французское правительство также действовало весьма непоследовательно. Его широковещательные заявления о том, что оно не будет выводить свои армии за пределы своих границ, поощряли Германию к действиям против слабых и изолированных стран: Саара, Рейнских государств, Австрии, Чехословакии, Польши, Прибалтийских государств и т.д. «Мне казалось, — заявляет генерал Ш. де Голль, — что тем самым мы отделяем Россию от союза с нами и даем Италии понять, что при любых обстоятельствах мы не собираемся пресекать ее злонамеренных действий. И наконец, с моральной точки зрения мне представлялось пагубным убеждать страну в том, что в случае войны участие Франции сведется к тому, чтобы драться как можно меньше».

Французские правящие круги считали своим главным врагом не германский фашизм, угрожавший независимости и безопасности Франции, а рабочий класс, все другие демократические силы. С лета 1939 г. еженедельно во Франции усиливались антикоммунистическая травля, репрессии и преследования левых сил, активных профсоюзных деятелей и других демократов. В своих гонениях французская реакция зашла так далеко, что фактически разоружила страну перед лицом угрозы со стороны Гитлера. Предприниматели, осуществляя свои антирабочие мероприятия, увольняли из оборонной промышленности сотни тысяч трудящихся. Только в авиационной промышленности локаутам подверглись 40 тыс. человек, а на автомобильных предприятиях «Рено» было уволено 100 тыс. рабочих.

Многие владельцы тяжелой промышленности Франции открыто сотрудничали с монополиями Германии. В Германию отправлялось большое количество железной руды, половина добывающихся бокситов также продавалась Германии.

Не только французские, но английские и американские монополисты также тесно сотрудничали с гитлеровскими концернами, причем этот зловещий союз продолжался нака-

нуне и даже в годы второй мировой войны. Министерство юстиции США, расследуя деятельность компании «Стандарт ойл оф Нью-Джерси», квалифицировало, что она находилась в сговоре с германским концерном «ИГ Фарбениндустри», который «являлся головным отрядом в нацистской экономической войне. Своими картельными соглашениями со «Стандарт ойл оф Нью-Джерси» он успешно противодействовал разработке и производству значительного количества синтетического каучука. «Стандарт ойл» фактически была союзником Гитлера, экономическим агентом в самих США»¹⁰³.

Но заключение прибыльных сделок между французскими, английскими, американскими монополиями, с одной стороны, и германскими концернами — с другой, составляло только одну сторону политики империалистической реакции. Одновременно власть имущие стремились к политическому союзу с нацистами. Во Франции, например, открыто действовала «пятая колонна» Гитлера, велась откровенная пропаганда в пользу фашистской Германии, распространялись пораженческие настроения, причем поражение собственной страны рассматривалось как путь к захвату власти фашистскими силами во Франции. Кагулярам — фашистским бандам убийц — фактически была предоставлена полная свобода действий; эти бандиты нападали на коммунистов, профсоюзных деятелей, демократов.

Больше того, в то время как Гитлер уже завершал приготовления для нападения на Францию, французские правящие круги, вместо того чтобы готовиться к отражению агрессии со стороны фашистской Германии, готовились к нападению на СССР. В частности, был подготовлен Экспедиционный корпус в 50 тыс. человек для отправки в Финляндию с целью борьбы против Советского Союза. За несколько недель до германского нападения 175 истребителей были изъяты из состава и без того слабой французской авиации и также отправлены в Финляндию. В Сирии 150-тысячная французская армия под командованием Вейгана была подготовлена к нападению на Северный Кавказ. Лишь начавшееся в мае 1940 г. наступление гитлеровских армий на Францию и ее разгром помешали тогда французским (и английским также) империалистам осуществить антисоветские военные планы¹⁰⁴.

Во многом подобной была внутривнутриполитическая обстановка и в Англии. Реакционеры всех мастей, особенно представители

крупного банковского и промышленного капитала (Детердинг — наиболее влиятельный представитель британского нефтяного империализма; Монд — король химического концерна, виднейший руководитель британской империалистической политики, и многие другие), активно поддерживали Гитлера. Внутри страны они же поддерживали британский фашизм, возглавляемый Мосли.

Необходимо также указать, что сам Мосли принадлежал к верхам английской аристократии. Он был владельцем богатейших поместий, миллионером. По жене он был родня лорду Керзону. Вместе с наследственными поместьями Мосли получил по наследству и место в парламенте, в рядах консервативной партии. Все это вместе и обусловило поддержку Мосли со стороны верхов английского буржуазного общества. Как пишет Ф. Мэллалли, когда перед самой войной ближайшего сподвижника Мосли Уильяма Джойса спросили: «Правильно ли будет сказать, что крупный капитал оказывает фашистам финансовую поддержку», последний ответил одним словом: «Да»¹⁰⁵. Какие же мотивы побуждали магнатов английского монополистического капитала оказывать поддержку бандитам Мосли? Это, во-первых, борьба Мосли против коммунизма. Это, во-вторых, борьба Мосли против профсоюзов, его план подчинения всего рабочего класса диктатуре «корпоративного государства». Это, в третьих, его планы захвата чужих рынков. Все это хорошо поняли британские империалисты.

Именно антидемократизм, антисоветизм Мосли (который считал, что «любой ценой следует уберечь Англию от такого безумия, как война с нацистской Германией», что «главный враг — Россия...»¹⁰⁶) обусловили его столь значительное влияние в Англии. Это объясняет вместе с тем, почему в Англии, кичащейся своими «демократическими свободами», английские фашисты, по сути, в точности следовали немецким образцам. Они устраивали массовые избиения граждан, осмеливавшихся возражать их ораторам, терроризировали население рабочих кварталов Лондона и вели разнузданную антисемитскую пропаганду, сопровождавшуюся погромами. Ничем не препятствуя бандитским действиям фашистских молодчиков, полиция считала своей обязанностью охранять их от справедливого негодования антифашистов. Если она и вмешивалась в фашистские демонстрации, то выражалось это

вмешательство, как пишет Мэллали, либо в защите фашистов от разъяренной толпы (доведенной до бешенства эксцессами самих чернорубашечников), либо в аресте контрдемонстрантов, антифашистов. В тех случаях, когда фашистский отряд «самообороны» мог справиться с «нарушителями» своими силами и с присущей ему жестокостью, полиция обычно сохраняла нейтралитет¹⁰⁷. Не случайно поэтому, влияние фашистов в Англии было весьма значительным.

К сожалению, многие британские демократические деятели не сразу осознали опасность фашизма¹⁰⁸. Лишь приход к власти Гитлера, его жестокие методы подавления оппозиции, его яростный антисемитизм и особенно гражданская война в Испании, роль в этой войне правительств Германии и Италии, оказавших прямую помощь фашистским мятежникам¹⁰⁹, открыли глаза общественности западных стран на то, что такое фашизм и чем он угрожает. Реальность третьего рейха и фашистский путч в Испании вызвали радикализацию интеллигенции, которая все более убеждалась, что замыкание в «башню из слоновой кости» невозможно. Десятки, сотни прогрессивных писателей, артистов, поэтов, ученых публиковали заявления, в которых осуждали фашистский режим в Германии и Италии, оценивали «политику невмешательства» как политику поддержки Франко, как политику поощрения фашистских агрессоров.

Особенно большую тревогу среди различных кругов западной общественности вызвало мюнхенское соглашение. События стали складываться не так, как предполагали близорукие французские и английские политики, рассчитывавшие использовать гитлеровскую Германию против СССР. Напротив, оказывалось, что именно Гитлеру удастся использовать французскую и английскую реакцию для войны против Англии и Франции, против СССР с целью установления господства германского империализма над всем миром. Многим, в том числе буржуазным политическим деятелям стало ясно: идти последовательно по мюнхенскому пути — значит идти прямо в вассалы германского империализма. Не случайно Черчилль по поводу Мюнхена со всей определенностью заявил: «Правительства Англии и Франции имели выбор между бесчестьем и войной. Они избрали бесчестье и получили войну»¹¹⁰.

Как обоснованно отмечает американский философ Э. Фромм, во внешнеполитической сфере воля и напор Гитлера возрастали пропорционально пониманию им подлинных намерений своих конкурентов и противников. В определенном смысле победы Гитлера начались с нежелания Великобритании выполнить решение Лиги Наций о блокаде Италии после того, как Муссолини напал в 1935–1936 гг. на Эфиопию. Используя самые разнообразные отговорки, англичане продолжали поставлять в Италию нефть, необходимую ей для ведения военных действий, в то время как Эфиопия с огромным трудом могла получать из-за границы оружие.

Другим окрылившим Гитлера событием явилась гражданская война в Испании 1936–1939 гг. Великобритания не давала законному правительству Испании возможности импортировать оружие, необходимое для его защиты, а французское правительство, которое в то время возглавлял социалист Блюм, не осмеливалось действовать вопреки англичанам. При этом международный комитет демократических стран, задачей которого было воспрепятствовать интервенции в Испании, не сделал ничего, чтобы предотвратить военное вмешательство Гитлера и Муссолини, выступавших на стороне Франко.

Кроме того, как отмечалось выше, французы и англичане не оказали никакого сопротивления, когда Гитлер оккупировал рейнскую демилитаризованную зону. В то время Германия была еще совершенно не готова к войне и, как заметил позднее в «застольных беседах» Гитлер, если бы во Франции тогда были настоящие политики, ему бы не удалось этого сделать.

И, наконец, визит в Германию Чемберлена, который приехал, чтобы уговорить Гитлера смягчить политический курс. Все это лишь окончательно подтвердило то, в чем Гитлер уже и так был уверен: Великобритания и Франция не собираются действовать в соответствии со своими обещаниями Чехословакии. Гитлер раскусил поведение Чемберлена; он сразу увидел, что его партнеры блефуют. Желая подтолкнуть Германию к нападению на Советский Союз, они не смогли оценить всех намерений Гитлера.

Даже, когда после нападения фашистской Германии на Польшу правительства Англии и Франции вынуждены были

объявить войну Германии, эта война имела крайне пассивный характер. Как пишет в своих «Дневниках» Ж.-П. Сартр, будущий выдающийся философ, в то время солдат Французской армии, «снаружи вся наша жизнь отмечена войной. Однако военная машина работает вхолостую, враг неуловим, невидим и солдаты стоят по команде «оружие к ноге»! Вся армия находится в таком положении, в этой колеблющейся и шаткой позиции»... Более того, эта позиция даже не может считаться оборонительной, потому что, для того чтобы была оборона, нужно, чтобы враг атаковал или собирался атаковать. Но вот уже полгода немцы отдыхают; думая о том, как лучше воспользоваться ситуацией, они повсюду понаवेशали щитов, свидетельствующих об их мирных намерениях. Впрочем, они ведь нам не объявляли войны, наоборот, они нам объявили мир, когда вторглись в Польшу, это мы агрессоры. Мы решительно объявили ультиматум, и поскольку он не был принят, мы вступили в войну. Что же это за война, в которой агрессор не нападает? Хуже того, те несколько квадратных километров, которые мы заняли в Сааре, мы сразу же поспешили возвратить, стоило противнику показать нам зубы – в общем-то, стоило ему расправиться с Польшей. Ожидание, нерешительность, колебания, отступления – генштаб на все пошел... Поскольку большинство думает, что немцы не станут атаковать,... тыл теряет к нам всякий интерес... Большинство полагает, что «все уладится»... Большая часть солдат восприимчива к гитлеровской пропаганде. Скукота, «боевой дух падает».

Конечно, продолжает Ж.-П.Сартр, «многим французам был не по душе гитлеризм, но нельзя сказать, чтобы они были без ума от демократии, на Польшу им было в высшей степени наплевать. Ко всему прочему у них складывалось смутное представление, что их дурачат».

Неуловимая война. Призрачная война, подчеркивает философ. Один из офицеров назвал ее «китайской войной». Да и против чего мы сражаемся? – спрашивает Ж.-П.Сартр, – Против нацизма? «Но вот уже год во Франции процветает скрытый фашизм... И что такое наша демократия, которая упраздняет парламент и свободу мысли?.. Ради чего мы сражаемся?... Чтобы сохранить довоенное положение вещей? Но ведь это был самый что ни есть развал. Не было больше

ни партий, ни связных идеологий. Повсюду общественное недовольство». Касаясь «Мюнхена», Сартр считает, что правящие круги и были авторами Мюнхена. «Они примирились с расчленением Чехословакии из-за ужаса перед коммунизмом... Они больше боятся Сталина, чем Гитлера». Как отмечает Д. Оруэлл, английский писатель, к сожалению, подавляющее большинство англичан также оставались безучастными к борьбе с фашизмом до конца 1940 г. Абиссиния, Испания, Китай, Австрия, Чехословакия – весь этот длинный список преступлений либо вовсе остался незамеченным, либо смутно отразился в сознании как какие-то зарубежные распри, которые «нас не касаются». Чтобы легче было представить степень общественного невежества, напомним, что у обычного англичанина слово «фашизм» ассоциировалось в те годы только с Италией, и он очень удивлялся, когда вдруг услышал то же самое слово применительно к Германии. Когда в 1939 г. Вторая мировая война уже началась, отношение к ней в Англии было довольно вялым. Боевых действий почти не было, ... видные публицисты намекали, что нужно как можно скорее заключить мир, профсоюзы и комитеты лейбористской партии по всей стране принимали резолюции против войны. Впоследствии, конечно же, все изменилось. Франция пала, наши войска едва успели убраться из Дюнкерка. Англия осталась одна, на Лондон посыпались бомбы. Лишь к середине 1941 г. англичане поняли, с кем имеют дело.

Г.К. Жуков отмечает, что в мае 1940 г. он спросил Сталина о том, как понимать эту столь «странную войну», которая велась на Западе. И получил следующий ответ: «Французское правительство во главе с Даладьё и английское во главе с Чемберленом не хотят серьезно влезать в войну с Гитлером. Они еще надеются подбить Гитлера на войну с Советским Союзом. Отказавшись в 1939 г. от создания с нами антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет. Им придется самим расплачиваться за свою недалёковидную политику»¹¹¹.

Ослепленные антисоветизмом, лидеры Запада, подло подталкивая Гитлера к войне против СССР, сами спровоцировали агрессию со стороны фашистской Германии против своих стран. Уместно привести оценку роли английского премьера

Н. Чемберлена в Мюнхене Риббентропом, который заявил: «Этот старик сегодня подписал смертный приговор Британской империи, предоставив нам проставить дату приведения этого приговора в исполнение»¹¹². Теперь это время пришло. Уже в 1940 г. вермахт вторгся во Францию, а люфтваффе бомбила города и селения Англии. Для многих поражение этих стран представлялось неизбежным.

Западные правители скорее были готовы капитулировать перед гитлеровцами, чем призвать народ к борьбе. «В то время, когда встал вопрос, от которого зависело настоящее и будущее Франции, — свидетельствует генерал Ш. де Голль, — парламент не заседал, правительство оказалось неспособным принять единодушное решение, президент республики не поднимал свой голос даже в совете министров в защиту высших интересов страны. В конечном счете развал государства лежал в основе национальной катастрофы. В блеске молнии режим предстал во всей своей ужасающей немощи и не имел ничего общего с защитой чести и независимости Франции»¹¹³.

Во всяком случае разгром Франции был полным. «Французские армии, — писал Морис Торез, — были разгромлены менее чем в шесть недель. Растерянность и недоумение овладели народом. Это был полный крах: крах французской армии — первой армии Европы, численность которой на 10 мая 1940 г. превышала 5 миллионов человек; крах государственной власти — охваченные смятением парламент и правительство превратились в игрушку в руках «пятой колонны»; крах всех партий, за исключением коммунистической, которая неустанно разоблачала заговор против Франции; это был крах материальный и моральный, экономический и политический. Наступил хаос: 10 миллионов человек — четвертая часть населения Франции — бродили по дорогам; замерли производство и торговля; остановился транспорт, прервалась почтово-телеграфная связь»¹¹⁴.

Военное руководство Франции было настроено пораженчески. Главнокомандующий войсками генерал Вейган после первых же поражений настаивал на капитуляции. Между тем, сражаться было еще можно. Надо перебазироваться в Африку, там были большие сухопутные вооруженные силы, флот и авиация. На Средиземном море была возможна «новая Марна», считал, например, де Голль. Но коллаборационисты —

Лаваль, Пэтен и другие сражаться не желали. Они стремились к сделке с Гитлером, надеясь с помощью немцев остаться у власти.

Пэтен обратился к немецкому командованию с предложением о перемирии. Немцы первоначально предполагали полную оккупацию Франции и полное разоружение ее военных сил. Но затем Гитлер внес коррективы: следует изолировать Францию от Англии; не допустить бегства французского правительства в Африку для продолжения войны оттуда. Это усилило бы позиции Англии. Поэтому: французское правительство должно сохранить свой суверенитет. Французская армия может отойти в свободную зону и там будет демобилизована. Для обеспечения порядка часть воинских подразделений можно сохранить. Флот должен быть нейтрализован. Ни при каких обстоятельствах не требовать его передачи Германии, так как в этом случае он уйдет на заморские территории или в Англию. Не выдвигать к Франции никаких территориальных претензий при подписании перемирия. Это можно сделать позже. Не предъявлять никаких требований, касающихся колоний Франции. Это только будет способствовать их захвату Англией. 25 июля 1940 г. перемирие на немецких условиях вступило в силу.

Как считает Р. Арон: если бы французское правительство переместилось в Северную Африку, если бы оно организовало там сопротивление противнику, если бы оно, вместе с Англией, начало угрожать Италии, то Германия неизбежно была бы вынуждена прийти союзнику на помощь. Тогда нападения на Советский Союз было бы, по всей вероятности, отсрочено. В известном смысле заключенное во Франции перемирие способствовало тому, что немцы снова вернулись к честолюбивым замыслам в отношении своего восточного соседа. С другой стороны, заявляет Арон, если бы французская армия продолжала в 1940 г. сопротивление вместо того, чтобы оказаться за несколько недель побежденной, если бы, наконец, она была бы разгромлена в 1941 г., то ее потери оказались бы значительно более крупными. В этом смысле катастрофа, имевшая трагические моральные и материальные последствия, тем не менее, обеспечила благодаря своей скорости возможность позднейшего демографического, экономического и политического подъема Франции.

Поразительный по своему цинизму и пораженческому духу вывод.

Возвращаясь к перемирию, Р. Арон также отмечает, что оно у большинства французов вызвало «вздых облегчения». (По нашему мнению, перемирие властей с растоптавшим Францию врагом должно было вызвать чувство горечи, возмущения, должно было породить волю к сопротивлению).

Вспоминая о предвоенных событиях после второй мировой войны, в 1947 г., бывший премьер Франции П. Рейно в сущности признал, что правители Франции и Англии проводили двойную игру: «С кем мы должны были заключить союз? Здравый смысл, география, история и планы Гитлера давали нам ясный ответ на этот вопрос. Когда Гитлер объявил о своем намерении «рассчитаться» с Францией, а потом расчленив Россию, он, можно сказать, собственноручно толкал обе наши страны к заключению союза. Но, может быть, в этом союзе, который был столь явно необходим, нам отказали? Нет, нам его предлагали, но мы сами его отвергли»¹¹⁵. Как подчеркивает в своих мемуарах Ж. Дюкло, «факты показывают, что вторая мировая война, стоившая человечеству столько крови и слез, была развязана главным образом по той причине, что правящие круги Англии и Франции саботировали политику коллективной безопасности против гитлеровской угрозы, которую предлагал и отстаивал Советский Союз»¹¹⁶.

Что касается СССР, на протяжении предмюнхенского кризиса он оставался единственной страной, поддерживавшей Чехословакию. Но у него не было общих границ с этой страной. Договор, заключенный с Чехословакией в 1935 г., обязывал его прийти ей на помощь только в случае, если аналогичным образом поступит и Франция. Такой была позиция чехословацкого правительства. В сентябре 1938 года СССР подтвердил свою готовность выполнить договор: если Франция выступит, выступит и Советский Союз. Советские войска были двинуты к границе. Однако голос СССР не был услышан; он по-прежнему находился в изоляции. Его заявления и обращения к Лиге Наций не были приняты во внимание. Мюнхенское соглашение было подписано 30 сентября. 1 октября германские части вступили в Судетскую область.

Мюнхенская капитуляция, в основе которой в конечном счете лежало стремление Англии и Франции направить

агрессию Германии против СССР, принесла несмываемый позор английским и французским лидерам. Но главное: она коренным образом изменила всю европейскую ситуацию. Версальская система развалилась. Чехословакия со своими оборонительными сооружениями на границе и хорошо оснащенными и вооруженными 35 дивизиями, кстати, готовая сражаться, противостоять гитлеровскому нашествию, перестала быть для Германии угрозой, причем немцам не пришлось сделать ни единого выстрела. «После Абиссинии, Рейнской области, Австрии, Испании фашистские державы как бы намеренно демонстрировали, что могут получить все, чего хотят»¹¹⁷, — пишет известный итальянский историк Д. Боффа.

Некоторые исследователи на Западе (теперь и в России) пытаются доказать, что проблема, заключалась не столько в позиции Англии, Франции, сколько в том, что Сталин неизмеримо больше тяготел к соглашению с Германией, чем к союзу с Францией и Англией. Все это — неправда. До 1939 года антигитлеровская позиция СССР была всегда четко, ясно выраженной. Именно поэтому нацистская пропаганда была столь враждебной и злобной по отношению к Советскому Союзу.

В одном из своих выступлений в 1937 году Гитлер заявил: «Я рассматриваю большевизм, как самый ужасный яд, который можно дать людям. Я не хочу, чтобы мой народ, мои люди имели какой-то контакт с этим учением... Любое соглашение с теперешней большевистской Россией будет совершенно бессмысленно для нас. Глупо думать, что национал-социалистическая Германия выступит когда-либо, чтобы защитить большевизм». У И.В. Сталина, конечно же, не было никаких иллюзий относительно Гитлера, относительно фашистской Германии.

Но после Мюнхенского англо-французского стовора с Гитлером всегда имеющееся недоверие И.В. Сталина к западным державам еще больше обострилось. У него укрепилось желание «не таскать каштаны из огня» для той или иной империалистической группировки, а, напротив, извлекать выгоду из конфликтов между ними для себя, для СССР. И все же, советское руководство не поставило все капиталистические страны на одну доску. Оно проводили разграничительную линию между агрессорами (Германия,

Италия, Япония) и «неагрессивными, демократическими государствами» (Англия, Франция). И.В. Сталин упрекал Англию и Францию за позицию невмешательства, попустительство агрессорам, за то, что они подталкивают Гитлера, в сущности, к войне против Советского Союза. Он предупреждал Англию и Францию, что их политика обернется весьма плачевно для них самих.

Советское руководство по-прежнему желало создания антифашистской коалиции. В апреле 1939 года правительство СССР предложило Англии и Франции заключить союз с обязательством оказания друг другу помощи в случае, если одна из держав подвергнется агрессии. Вместо односторонних гарантий должен быть принят принцип автоматического вступления в действие пакта также в случае нападения на любую другую из восточно-европейских стран, граничащих с СССР на всем протяжении от Балтийского до Черного морей. Договор должен быть подписан одновременно с военной конвенцией, которая установит формы и размеры взаимной помощи. Кроме того, все три правительства должны принять на себя обязательство не заключать никакого сепаратного мира в случае войны. Но ход начавшихся переговоров, показал, что западные державы не желали заключения подобного договора. Осуждая правительство Великобритании за отказ заключить договор с «русским Советским правительством», У. Черчилль твердо сказал, что советскому правительству безусловно можно доверять. «Предложения Советской России справедливые и более выгодные, чем те условия, которые хочет добиться наше правительство. Эти предложения (русских) проще, прямее и более действенны». «Не может быть сомнения, даже в свете исторической перспективы, что Англия и Франция должны были бы принять русское предложение...», заявлял Черчилль. Но Чемберлен и министерство иностранных дел были точно заморожены загадкой сфинкса... Союз Англии, Франции и России в 1939 году вызвал бы в сердце Германии глубочайшую тревогу, и никто не может доказать, что война тогда не могла бы быть предупреждена. Следующий шаг мог бы быть предпринят при наличии превосходства сил на стороне союзников... Гитлер не мог бы позволить себе ни ввязаться в войну на два фронта, которую он всегда так сильно осуждал, ни допустить неудачу. Жаль, что он не был поставлен в столь трудное положение,

которое могло бы стоить ему жизни... Если бы, например, мистер Чемберлен по получении русского предложения сказал «да, объединимся вместе все трое и сломаем Гитлеру шею» или какие-либо иные слова того же содержания, парламент это одобрил бы, Сталин это понял бы, и история могла бы принять иное течение... Вместо того последовало долгое молчание, а тем временем подготавливались разные полумеры и крючкотворные компромиссы». (У. Черчилль. Вторая мировая война). Отказываясь от союза с Советской Россией, правительство Великобритании вовлечёт нас наихудшим путём в наихудшую из войн, подчёркивал У. Черчилль.

Учитывая отказ Англии и Франции заключить союз с Советским Союзом советское правительство ответило согласием на предложение Германии урегулировать «к взаимному удовлетворению» все проблемы на пространстве «между Балтикой и Черным морем», т. е. как раз в той самой зоне, которая была одним из главных препятствий на переговорах СССР с Лондоном и Парижем. Позиция СССР была осторожной, риск был огромным: неясно было, что хочет Гитлер — помешать соглашению между Англией, Францией и Советским Союзом или же он хочет серьёзных переговоров с Москвой. Во всяком случае, невозможно безоговорочно отвергнуть тезис советского руководства о том, что у Советского Союза в августе 1939 года была единственная альтернатива: либо риск изоляции накануне войны, либо переговоры и даже соглашение с Германией.

Разумеется, у Гитлера был свой расчёт: когда в 1939 г. он понял, что сговора с западными странами не получится и, зная в то же время, что переговоры между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом, с другой проходят вяло, он и предложил СССР заключить соглашение. Как должен был поступить И.В. Сталин? Он, конечно, не верил, не мог верить Гитлеру. Но что делать? Англия и Франция затягивают переговоры, по существу ведут дело к их срыву. Можно при желании, усмотреть в их действиях и сигнал Гитлеру: мы не хотим с Советским Союзом никакого соглашения.

В этих условиях отказ от мирных предложений Гитлера вполне мог подтолкнуть фашистскую Германию к агрессии против СССР. Вместе с тем, это соглашение могло обеспечить Советскому Союзу некоторую передышку и возможность лучше подготовиться к отражению агрессии. Ситуация, как

очевидно, тяжелая, выбор сделать трудно. Сталин пошел на соглашение с Германией. В западных странах это вызвало растерянность и гнев населения. В трудное положение были поставлены коммунисты, коммунистические партии, всегда до этого поддерживавшие СССР, свою «вторую родину».

Антифашистская пропаганда в СССР внезапно прекратилась. Критике подверглись все империалистические державы, разоблачалась их агрессия, грабительская природа. Специально об агрессивных устремлениях Германии не говорилось. В.М. Молотов даже заявлял, что считает преступной войну, которая бы ставила перед собой цель — «уничтожение гитлеризма». Подобная постановка вопроса, по его мнению, напоминает о старых религиозных войнах эпохи средневековья.

Коминтерн, вынужденный повторять все повороты советской политики и пропаганды, определил начавшуюся вторую мировую войну как несправедливую, империалистическую, по сути не отличающуюся от первой мировой войны. Это дезориентировало широкие антифашистски настроенные массы. Кроме того, серьезной ошибкой Коминтерна в то время был также отказ от курса на Народный фронт, а также новое обострение нападок на социал-демократию.

В самом СССР, еще несколько месяцев до этого жившим под впечатлением, что гитлеризм — это главный враг, новая ситуация также вызвала чувство растерянности. Однако, как полагали И.В. Сталин, советское руководство, была отодвинута непосредственная угроза войны, получена возможность укрепления обороноспособности страны. Напротив, критики сталинского решения считают, что он, именно он, И.В. Сталин, развязал Гитлеру руки и позволил ему начать вторую мировую войну.

Эта точка зрения необоснованна. Прямое движение Гитлера ко второй мировой войне началось после Мюнхенского соглашения. Именно тогда он убедился, что западные руководители — «не политики», «не мужчины», что они пасуют перед ним, больше того, разжигают его аппетит, подталкивают к агрессии против СССР. К тому же, с точки зрения Англии и Франции и Гитлера одновременно, СССР и не мог ни связывать, ни развязывать кому-либо руки; по их мнению, он был слишком слаб в военном отношении; это доказала советско-финская война.

Война с Финляндией, действительно, была тяжелой. Чем она была вызвана, что заставило советское руководство начать ее? Дело в том, что финская граница проходила всего в 35 км от Ленинграда. С 1938 года Советский Союз добивался твердых гарантий от финского правительства, что Финляндия будет защищать свой нейтралитет, если Германия решит вторгнуться в СССР с севера, т.е. с финской территории.

Советский Союз предлагал Финляндии заключить пакт о взаимной помощи, просил передать ему в аренду полуостров Ханко для организации советской военной базы, отодвинуть государственную границу на Карельском перешейке примерно на 40 миль дальше от Ленинграда. В свою очередь, СССР предлагал в качестве компенсации территорию в Советской Карелии в два раза большую, чем та, которую уступила бы Финляндия, и выражал готовность разрешить этой стране построить укрепления на Аландских островах.

Финское правительство не приняло предложения СССР. В этой ситуации советское руководство приняло решение начать военные действия, рассчитывая на скоротечную кампанию. Однако советские войска оказались плохо подготовленными к ведению боевых действий в условиях бездорожья, леса и суровой финской зимы. Артиллерия и танки не смогли наладить эффективного взаимодействия с пехотой, были недооценены также умение и боевой дух финнов. В результате потери советских войск были значительными. Однако суровый и трагический урок пошел на пользу. После перегруппировки и сосредоточения внимания на подготовке бойцов к боевым действиям, советская армия сломала сопротивление финнов. Теперь правительство Финляндии согласилось на мирные переговоры. Согласно им в состав СССР включался весь Карельский перешеек, западное и северное побережье Ладожского озера, часть полуострова Рыбачьего. Финляндия сдавала в аренду СССР сроком на 30 лет полуостров Ханко. Граница от Ленинграда была отодвинута, и город был лучше защищен. Вместе с тем война ухудшила международное положение СССР. Многие страны осудили Советский Союз, он был исключен из Лиги Наций. Советско-финская война укрепила убежденность Лондона, Парижа, других стран в крайней слабости Советского Союза. Гитлер тогда также, вероятно, и решил,

что СССР – «колосс на глиняных ногах» и что вермахт быстро и легко сокрушит Красную Армию.

Но вернемся к послемиюнхенской ситуации. Что нового возникло в отношениях Англии и Франции с Германией и СССР, что нового возникло в отношениях между Германией и Советским Союзом?

Поскольку у нас принято с большей готовностью воспринимать аргументы западных исследователей, воспроизведем оценки послемиюнхенской ситуации, а также советско-германского пакта о ненападении, сделанные И. Фестом. После Мюнхена, – считает немецкий историк, – началось тайное соревнование между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, с другой, за союз с Москвой, «подогреваемое со всех сторон недоверием, страхом и ревностью...». В Москве возобновились переговоры между СССР, Францией и Англией. Однако они страдали от недоверия участников. Сталин не без основания сомневался в решимости западных держав к сопротивлению, в то время как западные державы в свою очередь «не могли преодолеть глубоко укоренившиеся предубеждения, которые буржуазный мир испытывал к стране мировой революции». В этой ситуации советский руководитель поддержал идею урегулировать отношения с Германией, несмотря и вопреки имеющимся идеологическим разногласиям.

И.В. Сталин, советское руководство, конечно, знали о постоянно подчеркиваемых целях Гитлера: завоевание мировой империи за счет России. Однако они надеялись, что соглашение с Германией отодвинет, по крайней мере, на некоторое время угрозу войны, что СССР в результате передышки сможет достичь большей готовности к отражению агрессии Германии. Советское руководство ставило также перед собой задачу – не допустить соглашения между капиталистическими и фашистскими державами, ибо в этом случае, совершенно ясно, фашистская агрессия немедленно обрушилась бы на общего врага Запада – СССР. Но ясно также, что Сталин рассчитывал на то, что соглашение с Гитлером, стремившемся пересмотреть итоги Версаля, итоги первой мировой войны, поможет и ему вернуть утраченные Россией после первой мировой войны западные провинции.

Кто выиграл от этого соглашения? — ставит вопрос И. Фест. По его мнению, трудно однозначно, безоговорочно ответить. Советское руководство считало, что выиграло оно; несмотря на идеологический и моральный ущерб, СССР получил передышку, возможность развернуть военные приготовления. С другой стороны, Германия тоже получила огромный тактический выигрыш: Гитлер избежал в то время войны на два фронта.

Конечно, для Гитлера пакт с Москвой был «вероотступничеством», — подчеркивает И. Фест. Однако «Гитлер успокаивал себя мыслью загладить вероотступничество будущей схваткой с Советским Союзом — это намерение по-прежнему оставалось в силе». Кстати, по мнению Гитлера, пакт создавал для этого предпосылку иметь общую границу. «Это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола», — говорил Гитлер в узком кругу. А одному зарубежному гостю он даже откровенно заявил: «Все, что я делаю, направлено против России; если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, я буду вынужден договориться с русскими, разбить Запад, а затем, после его поражения, собрав все силы, обратиться против Советского Союза»¹¹⁸.

Перед нападением на СССР Гитлер писал Муссолини, что никогда не считал этот пакт честным, ибо слишком глубока пропасть между мировоззрениями. Теперь, приняв решение о нападении, он почувствовал себя снова внутренне свободным, ибо сотрудничество с Советским Союзом «сильно обременило меня». Оно «казалось мне разрывом со всем моим происхождением, ясными взглядами и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что избавился от этих душевных мук».

В то же время Гитлер не раз заявлял, что готов к примирению с Западом. «У меня нет желания господствовать. Прежде всего я ничего не хочу от Запада ни сегодня, ни завтра. Я ничего не хочу от регионов мира с высокой плотностью населения. Там мне ничего не надо, совсем ничего, раз и навсегда. Все идеи, которые мне приписывают по этой части, — выдумки. Но мне нужна свобода рук на Востоке».

Надежды Гитлера на примирение с Западом до поры до времени не были беспочвенными. Ведь действительно, Гитлера, начавшего вторую мировую войну вторжением в Польшу, можно было еще остановить. Англия и Франция могли помочь Польше, но их армии предпочли отсиживаться за линией Мажино. Американский журналист У. Ширер, посе-

тивший в те дни Западный фронт, проходивший вдоль Рейна, а также и Польшу вспоминает: «Я видел французских солдат на противоположном берегу, строивших укрепления. Кое-кто из них с увлечением играл в футбол. Ни одна из сторон не открывала огонь. Странная война! В Польше ... все выглядело иначе. Города и поселки лежали в руинах. Повсюду валялись неубранные трупы погибших».

Генерал Йодль заявил на суде в Нюрнберге: «Если мы не потерпели крах еще в 1939 году, то лишь потому, что во время польской кампании примерно 110 французских и английских дивизий на Западе пребывали в полном бездействии против 25 немецких дивизий».

В 50–60-е гг. XX в. Гелен, руководитель военной разведки ФРГ также признавал, что вермахт в 1939 году реально не был готов к войне. Поэтому, действуя западные союзники в начале войны решительно – в политическом и военном плане, – то военное столкновение закончилось бы поражением Германии. Чтобы подтвердить свои слова, продолжал Гелен, приведу следующий факт. Все имеющиеся в наличии боеприпасы для тяжелой артиллерии сухопутных войск, не считая снарядов для тяжелых гаубиц, уместились бы в восьми с половиной железнодорожных составах, так как серийное производство снарядов началось лишь летом 1939 года.

Двойная игра, зачастую и открытая враждебность Англии и Франции, конечно, ставили советское руководство в трудное положение, усиливали подозрения Сталина в отношении правящих кругов этих стран. Объективные западные исследователи находят обоснованным негодование Сталина, советских людей, «поставленных перед отчаянной необходимостью оставить открытыми все возможные пути выбора». Улам, Дойчер, Тейлор и другие признают, что Мюнхенский договор сузил пространство для маневра советской внешней политики, что беспокойство СССР по поводу антисоветского «европейского альянса» было оправданным.

Ведь, действительно, Советский Союз по-прежнему был один. Опасность существовала для него не только на Западе, но и на Востоке. В те дни в районе Халхин-Гола шли бои с японскими агрессорами. В этих условиях И.В. Сталин, чтобы не помогать тем, кто «привык загребать жар чужими руками», пошел на заключение пакта о ненападении с Германией. Пакт

предложила Германия, причем в очень настойчивой форме. Могло ли советское руководство отказаться от такого предложения? «Я думаю, — объяснял И.В. Сталин, — что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, даже если во главе этой державы стоят такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп». Аргумент, бесспорно, серьезный.

Плохо было то, что помимо Пакта о ненападении в сентябре 1939 года был заключен «договор о дружбе» с фашистской Германией. Этот шаг оттолкнул от СССР многие тысячи людей, интеллигенцию на Западе, увидевших в этом шаге предательство антифашистских идеалов. Данный договор поставил в трудное положение компартии, многие руководители которых привыкли отождествлять интересы своих партий с интересами Советского Союза. Как могли чувствовать себя такие, например, коммунисты, как Б. Брехт, который прежде писал в своем дневнике: «Каждому коммунисту, который серьезно воспринимает интернационализм, должно быть ясно, что сегодня любая рабочая партия за пределами Советского Союза должна связывать свою политику с политикой ВКП(б) и в большинстве возможных случаев подчиняться ей».

В такой ситуации заключение Советским Союзом соглашения с Германией вызвало, повторяем, растерянность коммунистов, многих привело к разрыву с партией, к тяжелой личной драме, усугубило разрыв с социал-демократическими партиями, дало повод для репрессий против компартий.

Какими же соображениями руководствовалось советское правительство, заключая этот договор с Германией? С одной стороны, оно рассчитывало остаться в стороне. Пусть немцы и англо-французы изматывают себя в войне. Мы не будем ни для кого таскать каштаны из огня.

С другой, — заключая соглашение с Германией, советское руководство рассчитывало побудить, наконец, Англию и Францию вести реальную, а не «странную» войну с Германией Гитлера. Это бы превратило их в союзников СССР на деле в том случае, когда совершится фашистское нападение на Советский Союз, которое, по мнению И.В. Сталина, рано или поздно должно было произойти. И, конечно же, подписанный договор давал надежду на то, что, предотвращая в данный момент неминуемое столкновение, Советскому Союзу удастся

выиграть время и пространство. К немедленному столкновению с Германией Советский Союз был не готов; в это время шло радикальное перевооружение Красной Армии, тогда как гитлеровская военная машина была уже на ходу, в действии.

Все эти соображения, учитывая реальную обстановку, были обоснованными. 1 сентября 1939 года, вторгшись в Польшу, Германия начала вторую мировую войну. 17 сентября 1939 года, после того, как правители Польши покинули страну, советские войска вошли в Польшу, заняв восточные территории, заселенные в основном украинцами и белорусами, которые были отторгнуты от Советской России в 20-е годы. Бесспорно, этот шаг следует оценить как желание спасти от германского порабощения представителей братских украинского и белорусского народов.

Видный политический деятель Великобритании Л. Джордж писал 28 сентября 1939 года, что русские вошли на территории, которые не являются польскими и были аннексированы Польшей после первой мировой войны. Было бы преступным безумием ставить на одну доску германское нападение на Польшу и ввод советских войск.

Конечно, это действия советской страны можно оценить и как действия, направленные на обеспечение безопасности западных границ Советского Союза. В сентябре – октябре 1939 г. СССР заключил договоры о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой. В августе 1940 г. эти прибалтийские республики вошли в состав Советского Союза. В июне 1940 г. Красная Армия освободила от румынского господства население Северной Буковины и Бессарабии, которые были отторгнуты от России после Октябрьской революции. В результате западная граница нашей страны была отодвинута на запад на 250–350 километров. Кстати, позднее, после нападения фашистской Германии на СССР У. Черчилль признал стратегическую необходимость для СССР отодвинуть линию будущего немецкого фронта как можно дальше на запад, и в Польше, и в Румынии, с тем, чтобы выиграть пространство и время для полного развертывания русских глубинных резервов. 1 октября 1939 г. в своем заявлении по радио Черчилль сказал, что русские армии своими действиями положили конец замыслам нацистов в отношении Балтийских

государств и Украины. Черчилль 20 июля 1941 года писал И.В. Сталину: «Я был рад... узнать из многих источников, как доблестно сражаются русские армии за свою родную землю... Я полностью сознаю, какие военные преимущества вы получили, вынудив противника развернуться и вести военные действия на отодвинутом к западу фронте, тем самым несколько ослабив силу его первого натиска».

Примерно в том же духе о позиции Сталина по отношению к Польше, только менее комплиментарно, высказался и Ш. де Голль: Сталин, убедившись, что Франция не сдвинется с места, чтобы защитить Польшу и что у Германии, таким образом, руки будут свободными, решил, «что лучше уж разделить вместе с ней добычу, чем оказаться ее жертвой».

Лидеры Польши вели себя по отношению к Советскому Союзу недружественно, если сказать точнее, — враждебно. Вспомним 1920–1921 годы; Польша с французской военной помощью оторвала от Советской России восточную Галицию. Известен также ответ польских руководителей в связи с предложением СССР оказать Польше помощь в случае гитлеровской агрессии: с немцами мы потеряем свободу, с русскими — душу.

Польское руководство дискредитировало себя своими контактами с нацистами. Министр иностранных дел Польши Бек обещал нацистской Германии поддержать её притязания на Австрию, а, кроме того, «учесть» интересы Рейха во время «возможного нападения (Польши) на Литву». В 1938 году, воспользовавшись «Мюнхеном», Польша вероломно захватила Тешенскую область Чехословакии. У. Черчилль назвал польских руководителей тех лет «гнуснейшими из гнуснейших», а С. Хаффнер охарактеризовал довоенную Польшу как «фашистское государство, проводившее политику антисемитизма и русофобии». Всё это в известной мере объясняет отношение советского правительства к Польше.

Конечно, события тех лет (что следует учитывать) формировались не под влиянием СССР. Он не был в те годы великой державой; ему приходилось маневрировать, отступать, идти на компромиссы. Во всяком случае, У. Черчилль, оценивая действия Советской России, в 1939 году признавал, что для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии обороны.

Существование этой линии означает, что Восточный фронт создан.

У. Черчилль был убеждён: нацизм угрожает основным интересам русского государства. Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на берегах Чёрного моря или чтобы она оккупировала Балканские страны, покорила славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся жизненным интересам России.

Однако лишь в результате военного поражения Франции и возникновения опасности вторжения в Англию фашистских армий как в Великобритании, так и в США пробила себе дорогу мысль о необходимости коалиции с Советским Союзом против фашистских государств. Но до этого, подчеркиваем, положение было совсем иным. Более того, предатель французского народа Лаваль, отдавший Францию на растерзание Гитлеру, в своей слепой ненависти к Советскому Союзу дошел даже до того, что характеризовал войну фашистской Германии против СССР как войну... гражданскую. «Эта война — гражданская война, в которой Сталин, окажется единственным победителем, если демократия будет продолжать борьбу против рейха. В интересах Соединенных Штатов, так же как и Европы, чтобы война кончилась как можно быстрее...»¹¹⁹.

Итак, поддержка английских и французских правящих кругов также сыграла большую роль в утверждении фашизма в Германии, Италии и других странах. Лозунг «борьбы против большевизма» объединил агрессивные реваншистские цели немецкого империализма и антикоммунистические устремления империалистических кругов Англии и Франции. Конечно, со временем английские и французские монополии, сами стремившиеся к мировому господству, пришли к столкновению с подобными же целями германских фашистов. К тому же правящие круги Англии и Франции вынуждены были считаться с мнением народных масс, которые в своем подавляющем большинстве враждебно относились к фашистам как в своих собственных странах, так и гитлеровской Германии. И уж тем более народы не желали войны против Советского Союза.

Однако в любом случае идеология «немецкого оплота против большевизма» была знаменем развязывания и поощрения фашистской агрессии против Советского Союза. Да и тогда, когда Гитлер вел войну уже на два фронта, против Англии и США на Западе и против СССР на Востоке, Советский Союз фактически в одиночку в течение почти трех лет нес тяготы тяжелейшей войны, в одиночку выдерживал натиск подавляющей части вооруженных сил Германии и ее европейских сателлитов. Советский народ нес чудовищные потери: миллионы человеческих жизней, страшное истощение всех материальных ресурсов. Для самих немцев понятие «война» ассоциировалось в конечном счете с тем, что происходило на советском фронте. Здесь перемальвались фашистские армии, и решалась судьба войны.

Вместе с тем на Западе было немало политиков, которые стремились всячески оттянуть открытие второго фронта, рассчитывая на то, что Германия и Советский Союз взаимно обескровят друг друга и в таком случае легче будет им навязать свою волю. Подобный слепой антикоммунизм оскорблял советских людей, несущих огромные утраты, жертвующих всем ради победы над врагом. Забегая вперед, добавим, что та же идеология антикоммунизма после 1945 г. снова послужила знаменем объединения внутренних и внешних контрреволюционных сил в Европе, снова стала знаменем восстановления германского империализма.

§ 4. Массовая социальная база фашизма

Социально-историческая практика решительно опровергает утверждения, будто фашизм — это движение средних классов, что гитлеровский режим якобы имеет мелкобуржуазное происхождение, что фашисты всегда — опирались прежде всего на рабочих, крестьян и мелкобуржуазную интеллигенцию¹²⁰.

Разумеется, трудно отрицать, что массовую социальную базу фашизма составила в первую очередь мелкая буржуазия. Но главным в оценке конкретного социально-политического движения является выяснение, чьи интересы это движение отражает и выражает, каким социально-классовым интересам служит.

Как уже показано в предшествующих разделах, фашизм был инспирирован, взращен и вскормлен наиболее реакционными кругами империалистических сил. Именно их интересы он выражал и защищал, именно крупной империалистической буржуазии в первую очередь был выгоден. Но, бесспорно, мелкобуржуазные слои города и деревни оказались рекрутами фашизма.

В целом в рядах нацистской партии в 1930 г. состояло: «самостоятельных хозяев» (владельцев промышленных и торговых предприятий, банкиров, монополистов и помещиков) – 20% всего состава партии, крестьян – 11%, крупных чиновников – 13%, служащих (главным образом бывших военных) – 21%. Рабочие составляли 20% (их удельный вес в общем составе населения достигал 45 %) ¹²¹. Как видно, удельный вес средних слоев в составе нацистской партии весьма значителен. Однако следует сразу поставить вопрос: почему? Почему представители мелкой буржуазии шли в фашистские отряды, почему мелкобуржуазная масса стала социальной базой фашизма?

Исходный методологический принцип поиска ответа на этот вопрос следует искать в двойственности социальной природы мелкой буржуазии, для которой характерно восприятие социального прогресса как укрепление собственных позиций. Мелкий буржуа стремится не к социальному освобождению, но скорее к личному реваншу и представляет будущее, как прошлое, в котором роли меняются. Те, кто господствовал над ним, теперь становятся его жертвой.

Исследуя социальную базу фашизма, Э. Никиш отмечал, что мелкий буржуа свое счастье видит в том, чтобы жить на «широкую ногу». Оно не сбылось. Озлоблению и растерянности мелких буржуа не было предела. Недобрым взором смотрели она на тех, кто стоял на ступеньку выше на социальной лестнице. Однако, сколь бы мелкий буржуа не был зол на буржуазное общество, он не стремится покидать его, предметом его тайной гордости является именно причисленность к этому обществу.

Конечно, рассматривая мелкую буржуазию как социальную базу фашизма, следует видеть различия в положении мелкобуржуазных слоев в различных странах. Например, немецкая мелкая буржуазия по своему политическому развитию

значительно отставала от подобных социальных слоев в других западноевропейских странах.

Как известно, политическое единство Германии было осуществлено прусской юнкерско-милитаристской кастой. Тем не менее сам факт объединения порождал в массах иллюзию, «будто возвеличенная за счет Германии юнкерско-полицейско-солдатская Пруссия и является осуществлением той Германии, о которой мечтала демократия», — писал В. Либкхнехт. К тому же правящие круги кайзеровской империи настойчиво насаждали в качестве «добродетелей»: «порядок», «дисциплину», «верноподданничество», «национальное величие» и т. п.

Воспевание этих «добродетелей», мощи кайзеровского государства льстило самолюбию мелкого буржуа, который в Германии в течение многих десятилетий насквозь был пропитан духом верноподданничества, преклонения перед всяким начальством. Ж. Нойрор весьма обоснованно пишет, что немецкий бюргер «всегда был на стороне правительства, воспринимал, как само собой разумеющуюся, авторитарную монархическую форму политического режима и его буржуазно-феодальную структуру и презирал, как неполноценную демократическую, парламентскую форму правления»¹²².

Генрих Манн в своем романе «Верноподданный» сатирически и вместе с тем весьма реалистически изобразил тип верноподданного пруссака. Это «интеллигент», фабрикант, доктор химии Дидрих Геслинг, верноподданнически пресмыкающийся перед милитаристско-юнкерской верхушкой Германии. Писатель показал, с каким восторгом, еще будучи студентом, Дидрих Геслинг в 90-х годах XX в. воспринял проезд кайзера по улицам Берлина (предвосхитив тем самым картину нацистского ажиотажа вокруг Гитлера сорок лет спустя). Г. Манн отмечал: «Опьянение сильнее, чудеснее того, какое может дать пиво, приподняло его над землей, понесло по воздуху. Он размахивал шляпой высоко над головой толпы, в атмосфере клокочущего энтузиазма, в небесах, где парят наши возвышеннейшие чувства. Там, под Триумфальной аркой, скакала на коне сама власть, с каменным лицом и сверкающими очами»¹²³. На отсутствие морального, гражданского мужества, присущего многим немцам, указывал пастор Д. Бонхёффер, активный участник антифашистского Сопротивления, казнен-

ный гитлеровцами в 1945 году, накануне краха нацистского режима. Нам, немцам, — писал он, — свойственен недостаток гражданского мужества. И дело здесь не в личной трусости, корни здесь совсем иные. За долгую историю нам, немцам, пришлось познать необходимость и силу послушания. Смысл и величие нашей жизни мы видели в подчинении всех личных желаний и мыслей данному нам заданию. Глаза наши были уставлены вверх не в рабском страхе, но в свободном доверии, видевшем в выполнении задачи своего ремесла — свое призвание. Готовность следовать приказанию «свыше» скорее, чем собственному разумению, проистекает из частично оправданного недоверия к своему собственному сердцу. Кто отнимет у немца, что в послушании, при исполнении приказа, в своем решении он всегда показывал чудеса храбрости и самоутверждения. Но за свою свободу немец... держался для того, чтобы освободиться от собственной воли в служении целому. Работу и свободу он воспринимал как две стороны одного дела. Но благодаря этому он и просчитался, он не мог представить, что его готовность к подчинению, к самоутверждению при выполнении приказа смогут использовать во имя зла. Как только это произошло, само его ремесло, его труд оказались сомнительными, а в результате зашаталась все нравственные устои немца. И вот выяснилось, не могло не выясниться, что немцу не хватало пока решающего, главного знания, а именно: знания необходимости свободного, ответственного дела, даже если оно идет против твоего ремесла и полученного тобой приказа. Его место заступили, с одной стороны, безответственная наглость, а с другой — самопожирание угрызания совести, никогда не приводившие к практическому результату. Гражданское же мужество вырастает только из свободной ответственности свободного человека¹²⁴.

К духовному миру многих немцев принадлежало также восхищение военщиной, казармой с ее слепым повиновением, с ее всемогуществом фельдфебеля, которое было воплощением всемогущества государства: ведь каждый полицейский и каждый чиновник — это тот же фельдфебель, только в гражданской жизни. Мелкобуржуазной массе Германии весьма импонировала также идея «национального величия»; она давала мелкому буржуа компенсацию за неустойчивое экономическое положение, а во время войны во «вражеской

стране» оправдывала принцип «все дозволено» (такого типичного представителя мелкобуржуазных кругов Германии легко представить в дальнейшем, во времена нацизма, каким-нибудь фашистским фюрером, тупым и высокомерным, безжалостным и жестоким по отношению к «внутреннему» и «внешнему» врагу).

Настроения национального высокомерия, традиционно характерные для большей части немецкой буржуазии, особенно мелкобуржуазной, широко использовались правящими кругами Германии для разжигания ненависти к другим народам, в первую очередь, славянским. О. Черный в книге «Немецкая трагедия» следующим образом передает настроение немецкого обывателя в начале первой мировой войны: «Город бурлил, демонстрации сменяли одна другую, вызывая горячее одобрение толпы. Дамы в шляпках с разноцветными лентами, мужчины в панاماх и котелках, разносчики, продавцы, официанты, содержатели ресторанов и кафе толпились на тротуарах, с энтузиазмом приветствуя колонны буршей, чиновников, гимназистов, подразделения солдат и конницу. Твердая выправка, четкий шаг воодушевляли немцев: они выражали единство и силу их родины. Дух единства старались подчеркнуть решительно все. То, что еще вчера разделяло сословия, отодвинулось назад. Ведь сам кайзер провозгласил, что для него нет больше враждующих партий, а есть патриоты, которые готовы пожертвовать собой во имя Германии... Германия, объявившая войну России, как будто помешалась: в течение нескольких дней она превратилась в страну, полную мнительности и фанатизма... Толпа на Берлинских улицах неистовствовала и выкрикивала верноподданнические лозунги»¹²⁵.

Таким образом, уже в первую мировую войну господствующим классам Германии удалось использовать шовинистический угар, почти полностью подавить самосознание народных масс и увлечь всю нацию, вопреки ее интересам, в империалистическую войну, приведшую к ужасным последствиям и для самого германского народа.

Фашистам также удалось увлечь своей демагогией многих мелких да и средних буржуа. Известный антифашист писатель Ф. Вольф вспоминает, что в годы эмиграции его везде спрашивали: «Как могло случиться, что в стране Гёте и Шиллера, Бетховена и Моцарта, Канта и Гегеля, в стране

поэтов и мыслителей символом государственной власти вместо духа стали резиновая дубинка и револьвер?» Все дело в том, — разъясняет Ф. Вольф, — что в мозгу немецких буржуа, служащих, интеллигентов решающую роль играли такие понятия, как «абсолютное государство» (которое никогда не лжет), «честь» (столь жестоко уязвленная Версальским договором, что каждый немец чувствует себя лично оскорбленным), «семья» (которой угрожают коммунисты). В этой связи он вспоминает, что на следующий день после поджога нацистами рейхстага ему звонили многие врачи, юристы, книготорговцы, театральные деятели и все выражали свое негодование по поводу «террористического акта коммунистов». Когда же Вольф пытался объяснить, что это преступная провокация фашистов, и спрашивал собеседника: «Неужели Вы верите, что коммунисты могут поджечь рейхстаг?», — то получал поразительный ответ: «Не верю, а это так и есть! Об этом сообщила государственная пресс-служба! Официально сообщила государственная пресс-служба».

«Понимают ли за границей, что означает для немцев магическое слово «государство»? Что значит оно в стране Канта и Гегеля? — пишет Ф. Вольф. — Человек может солгать, но государство никогда не лжет. Гитлер высказал эту мысль с потрясающей наивностью в своей знаменитой речи 1 мая 1933 года: прежде, будучи только партийным фюрером, он-де мог иногда позволить себе говорить то, что было только агитацией, но теперь, как рейхсканцлер и ответственный государственный деятель, он говорит всегда только чистейшую правду». И поразительно, — продолжает дальше Вольф, — что тот же самый немецкий бюргер или интеллигент, который идет сегодня на «Парсифаля» или на «Девятую симфонию» Бетховена или внимательно слушает доклад известного ученого, будет утверждать, что в безработице и нищете повинны не иначе, как «сионские мудрецы», их «раса». Вот и тогда, 28 февраля 1933 года (в день после поджога рейхстага), все мои аргументы разбивались о встречные аргументы людей, в обычное время вполне интеллигентных: «Это утверждает государство, а государство не лжет!» Дико, но, к сожалению, факт»¹²⁶. И факт, что таких людей были миллионы.

Нацисты сбили с толку и многих видных интеллигентов, высоких интеллектуалов и тонких деятелей культуры. Многие

были захвачены ощущением причастности к «народному движению». В те дни выдающийся поэт Германии Г. Бенн, адресуясь к «литературным эмигрантам», с вызовом писал: «Большой город, индустриализм, интеллектуализм, все тени, которые отбрасывает на мои мысли наша эпоха, которым я подчинялся в моем творчестве, — все проваливается и не остается ничего, кроме... простых слов: народ».

Нечто подобное испытывал и философ М. Хайдеггер. В книге «Бытие и время» он призывал преодолеть «онтологическую беспочвенность трансцендентальной субъективности». Вместо «чистого Я» на первый план должна выступить историческая фактичность, народ, его судьба. «Судьба народа» в концепции М. Хайдеггера доминировала над наукой и культурой. Духовный мир народа — не какая-то культурная надстройка, но власть, зов крови, идущие из глубин бытия народа. М. Хайдеггер, в сущности, приукрашивал нацизм, нацистское государство. В нем классы не антагонисты, но представляют единое, сплоченное народное сообщество, скрепленное единой волей государства. Он признавал также принцип фюрерства как по отношению к государству в целом, так и по отношению к немецкому Университету; М. Хайдеггер порой заходил слишком далеко: даже переносил на нацистское государство блеск древней Греции.

Хайдеггер отвергал веру в объективные этические ценности. Бытие — воля к власти. Человек виновен, если не может осуществить себя, свои возможности. Но осуществить себя можно и в добре и в зле. Человек реализовавший себя во зле, в таком случае (по Хайдеггеру) менее виновен, чем человек, не имевший возможности полностью реализовать себя в добре. Позиция абсурдная и безусловно аморальная (и после поражения фашизма Хайдеггер оказался не способен признать свою вину в связи с своей ролью в Третьем Рейхе).

К. Ясперс, философ, современник М. Хайдеггера, до тех пор весьма ему близкий, так описывает последнюю встречу с ним в 1933 году: «Хайдеггер тоже казался другим. Сразу, как только он приехал, возник настрой, разделивший нас. Народ был опьянен национал-социализмом... «Как будто опять наступил 1914 год... — начал я, желая продолжить: — опять то же всеобщее, лживое опьянение», но при виде сияющего Хайдеггера слова застряли у меня в горле... Перед одурманен-

ным Хайдеггером я оказался бессилён. Я не сказал ему, что он на ложном пути. Я уже не доверял его изменившемуся характеру. От той силы, к которой теперь примкнул Хайдеггер, я чувствовал угрозу и для себя самого...»¹²⁷.

Ученик Хайдеггера Ханс Ионас в 1933 году покинул Германию со словами, что он вернётся назад только в качестве солдата вражеской армии. Когда в 1945 году он встретился с Хайдеггером, его ждало разочарование; Хайдеггер не смог сказать ему ничего, кроме выражения соболезнования по поводу гибели его матери в Освенциме.

К. Шмидт, видный юрист, в 1933 году также переметнулся на сторону Гитлера. Он доказывал, что Гитлер во время так называемого ремовского путча «поддержал правительство». Теперь он пришел к выводу, что базис политических норм не рациональные аргументы, а решения, определяемые соотношением сил «друзей и врагов».

Было немало других ярких интеллектуалов, поддавшихся «очарованию зла» и разделявших нацистские идеи, например, поэт Эрза Паунд, писатель Кнут Гамсун и др.

Э. Шахт – инженер, архитектор. Личный друг Геринга, вступил в нацистскую партию и СС еще до 1933 года. Звание «оберштурмбаннфюрер» присвоено ему лично Г. Гиммлером.

Ж. Бенда уловил тенденцию к развитию подобных духовных настроений не только в Германии, но и в Европе в целом. В 1927 году он опубликовал книгу «Предательство клерков», в которой остро подчеркивал: современные интеллектуалы («клерки», «светские клирики») совершают предательство, отказываясь от таких универсальных духовных ценностей, как истина, свобода и справедливость, отдавая предпочтение таким иррациональным силам, как интуиция, инстинкт, «народный дух». По его мнению, любые восхваления «народного духа», в противовес универсальному человеческому духу, неизбежно приводят сначала к «войне культур», а затем и к войне народов. Совесть и долг интеллектуалов (кроме них это сделать некому, ибо массы погрязли в мелких эгоистических страстях) – защитить универсальные ценности человечества от посягательств бессовестных политиков, разжигающих националистический пожар. Да, – пишет Ж. Бенда, – самые бессовестные политики – это, конечно, нацисты. Его вывод жесткий, вероятно, чрезмерно жесткий: со времен смерти

И. Канта немецкий дух уже ничему не может нас научить; наоборот, люди должны избегать контакта с ним.

Да, добавим и мы, люди велики тогда, когда они в состоянии различать добро и зло и встать на сторону добра. Если они этого не умеют, они аморальны.

В предвоенные годы, к сожалению, не на высоте оказался и рабочий класс, прежде всего его социал-демократические лидеры. Как пишет А. Абуш, «вся мрачная история Германии требовала воспитания народных масс в духе демократической самодеятельности, в духе боевого демократизма. Но профсоюзы и социал-демократическая партия культивировали у своих приверженцев организационный фетишизм; вера в то, что мощь крупной организации непобедима сама по себе мешала им осознать, что только живой боевой дух людей, объединяемых партией и профсоюзами, способен придать силу этим организациям. В результате большей части немецких трудящихся теперь была навязана новая разновидность пассивности — ставшее привычным ожидание призыва к борьбе сверху, от «вождей», которые были небоеспособны. Так в изменившихся исторических условиях и в новой форме воскресло старое зло времен деспотического прошлого Германии — политическая пассивность народа. Она мешала передовой части немецкого народа действовать по своей воле»¹²⁸.

И, конечно, рекрутами фашизма оказались выходцы из люмпен — пролетарской среды. Буржуазное общество постоянно воспроизводит эту прослойку, пополняя ее за счет тех, кого оно деклассирует, выбрасывает из сферы производительного труда.

В общем основной чертой межвоенной социальной структуры германского общества была неустойчивость. Эта неустойчивость влекла за собой серьезные социально-психологические последствия. Обусловленное ею недовольство мелкобуржуазных масс сплошь и рядом приобретало консервативный, реакционный характер¹²⁹. Фашисты ловко использовали психологический настрой мелкобуржуазных масс. Фашизм перенял все темное и реакционное в истории Германии: прусский милитаристский дух, слепое повиновение «верноподданничества», «Дранг нах Остен» (Гитлер: «мы начинаем там, где Германия кончила шесть веков назад»),

традиционное презрение и ненависть «великогерманцев» к славянским народам, вражду старопрусской реакции к западноевропейским странам, где победили демократические режимы и т. п.

В любом случае мелкобуржуазные обыватели не были невинной жертвой лживой пропаганды фашизма. Их, конечно, обманывали, но скорее они обманывали себя сами. Ненавидевшие пролетарский коллективизм, стремящиеся к личному обогащению и возвышению, обыватели легко приняли лозунги фашизма. Мелкособственнической душе как нельзя лучше отвечали призывы к насилию, экспансии, завоеванию «жизненного пространства».

В конечном счете фашизм приняли, за фашистами пошли те, кто отказывался смириться с военным поражением Германии в первой мировой войне и утверждал, что в падении империи повинны евреи, социалисты, нанесшие стране удар в спину. Те, кто ненавидел Версальский договор, продиктованный победителями и превративший Германию в третьеразрядную державу. Те, кто ненавидел Веймарскую республику, подписавшую Версальский договор, и управлявшуюся, по их мнению, евреями, либералами и марксистами, стремящимися разрушить остатки германского величия. Те, кто ненавидел скуку гражданской жизни, определяемой буржуазными ценностями, к которым они не могли и не желали приспособиться. Словом, все те, у кого в душе жили зависть, злоба, ненависть. Все они ненавидели интеллектуализм, интернационализм, марксизм, социализм, евреев, считая, что именно они виноваты во всех несчастьях, обрушившихся на Германию. Все эти люди, находясь в тяжелом положении, мечтали о чудесном избавлении, ждали спасителя, мессию. Фашистский фюрер, Гитлер, и стал для них этим мессией. Как отмечает Никиш, перед лицом ужасающих политических нужд и страха, которые обуревали Германию в начале 30-х годов XX в., и от которых «тряслась» буржуазия. Гитлер предлагал, простое решение: веру в чудо. Для отчаявшихся Гитлер становится светлой полосой на горизонте. Актом религиозной веры Германия переносится из обложенного данью государства в Третий Рейх. Кто не примыкает к национал-социализму, тот препятствует его победе и поэтому заслуживает умерщвления и искоренения.

П. Аларти, исследуя социальную базу итальянского фашизма, также отмечает широкое участие в итальянском фашистском движении мелкобуржуазных слоев, особенно в первые годы его существования. «Фашизм был движением весьма разнородным, включавшим различные деклассированные элементы недовольных, демобилизованных, у которых война подорвала материальную и психологическую основу их существования. Характерным для всей этой массы было то, что она выражала свой протест против существующего общественного строя в духе внешнего революционаризма и даже выдвигала требования чисто экстремистского характера. Однако эти элементы питали столь сильное пристрастие к шовинистической и националистической демагогии, что легко могли стать добычей любого авантюриста, достаточно ловкого, чтобы использовать их психологическое настроение и увлечь за собой»¹³⁰.

Война ожесточила мелкобуржуазные массы, разрушила их веру в официальные лозунги и авторитеты. Она приобщила их к оружию и насильственным действиям. Сознание безысходности, озлобление заставляло мелких буржуа прислушиваться к самым безумным идеям, увлекаться самыми безумными авантюрами. Они шли к фашистам, надеясь с их помощью «восстановить» свои «попранные права».

Демагогические призывы фашистов находили весьма широкий отклик и в среде мелкой буржуазии в «демократических» странах – Англии и Франции. Ф. Мэллалли в своей книге «Фашизм в Англии» пишет: «Они стекались к нему (к Мосли, «фюреру» английских фашистов. – Б.Б.) тысячами – разочарованные, антисемиты, озлобленные правые интеллигенты, ренегаты и неудачники левых направлений, буржуазные дамы – «патриотки», дюжие пустоголовые кретины из университетов и школ, политические деятели, католики, бывшие унтеры и офицеры из охраны концентрационных лагерей, – им не терпелось напялить черную рубашку, пощеголять фашистским значком, почваниться в своей Англии так же, как чванились и кичились в Германии тысячи нацистских головорезов в коричневых рубашках, на вербованные из тех же общественных групп»¹³¹.

Итак, многие представители мелкобуржуазной массы шли к фашистам. Они рассчитывали с их помощью превратиться

в новый правящий класс. Они верили, что «специальные условия» освобождения мелкой буржуазии суть в то же время «те общие условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба»¹³². Это была иллюзия, самообман. Да, конечно, «новый» правящий класс при фашизме формировался и за счет средних слоев, однако большая их часть оставалась в прежнем состоянии. Представители «старой» крупной буржуазии постепенно заняли влиятельные позиции в фашистском движении, а потом и в фашистском государстве. Нередко через фашистское правительство они проводили мероприятия, идущие прямо в ущерб средним слоям. Все это вызывало недовольство фашистов «первого часа» — выходцев из мелкобуржуазных слоев, которые порой озлобленно выступали против фашистов «последнего часа» — выходцев из крупной буржуазии и аграриев, в конечном счете, поставивших под контроль фашистское движение и фашистское государство. Расправа Гитлера с Ремом и его штурмовиками — свидетельство этого кризиса в фашистском движении. Расстреляв Рема, Гитлер «успокоил» руководителей крупных монополий и генералитет.

Разоблачая и подчеркивая тесную связь именно империалистической буржуазии с фашизмом, Р. Арисменди весьма точно отмечает: «вначале создается впечатление, что речь идет лишь о группах военных — фашистов, о деклассированных элементах, о людях, страдающих манией величия, о зловещих персонажах, подобных Гитлеру, о морфинистах, подобных Герингу, о гомосексуалистах, подобных Рему. Но в действительности возникает сила, поддерживаемая крупным международным финансовым капиталом, империалистами США, Англии и Франции, мечтающими о том, чтобы иметь жандарма против победоносной революции в России»¹³³.

Глава 3. ИДЕЙНЫЕ ИСТОЧНИКИ ФАШИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

§ 1. Реакционные идеи империалистической буржуазии – духовный импульс фашизма

Фашистская «расовая теория», объявлявшая немцев, либо итальянцев «избранной нацией», фашистская «геополитика», провозглашавшая «законность» захвата так называемого жизненного пространства на чужих землях, звериный национализм, который представлял все другие народы как «недочеловеков» и обрекал их на то, чтобы быть рабами «избранной нации», антинародная доктрина «фюрерства», которая требовала от народа слепого и беспрекословного повиновения и вместе с тем внушала каждому фашистскому захватчику сознание своего превосходства над людьми других наций, «право» быть их господином, и т. д. и т. п. – все эти социальные и политические «идеи» фашизма, в сущности, во многом вытекают из всего антидемократического и реакционного духа буржуазных идейных течений XIX в. Это особенно отчетливо видно на примере Германии и Италии, на духовную жизнь которых большое влияние оказывали всякого рода реакционные и националистические идеи.

В частности, нигде самодовольное мещанство и обывательская тупость не были столь могущественной общественной силой, как в Германии. После основания под эгидой Пруссии рейха в 1871 г. в Германии произошел особенно отчетливый спад в сфере духовной культуры. В философии – этой признанной квинтэссенции общественного сознания – всё более культивируются субъективизм, иррационализм и релятивизм. В политической жизни этой страны все более утверждается дух милитаризма и шовинизма, дух верноподданнического подчинения и веры в «вышестоящие» авторитеты и ценности,

вытеснявшие все прогрессивные идеалы, которые сформировались в период освободительных войн против Наполеона, в период революции 1848–1849 гг.

Реакционные классы Германии использовали процесс консолидации германской нации в своих классово-корыстных целях. Рост национального самосознания народных масс был превращен ими в объект самой злостной спекуляции и использован для насаждения ненависти ко всему иноплеменному. Тяжелой, мрачной была духовная атмосфера и в Италии.

Сначала XIX века в аристократических и буржуазных кругах Германии получили широкое распространение идеи национализма и пангерманизма. В частности, большое влияние имели взгляды Фридриха Людвиг Яна, который требовал воспитывать молодежь в «немецком национальном духе», внедрять в ее сознание ненависть к французам, антисемитизм, и т. п. Он спекулировал на задачах справедливой борьбы немецкого народа против наполеоновских завоеваний, подчиняя их обоснованию своих расистских, националистических теорий. Создать чистую и сильную расу, вытеснить чуждые языки, утвердить германско-христианский порядок, возвратиться к «нордической религии», возродить греческий культ человеческого тела и силы и т. п. — вот лозунги, которые выдвигал Ф.Л. Ян. Поэт Г. Гейне отмечал в своих дневниках, что произошло бы, если бы эти пангерманисты, Ф.Л. Ян и другие, пришли к власти: «Тот, кто хотя бы только в седьмом колене происходил от француза, еврея или славянина, был бы осужден на высылку. Если кто-нибудь имел что-то против Яна или вообще против тевтонских идей, тот определенно должен был лишиться своей жизни»¹³⁴.

Ф. Лист, профессор политических наук, также обосновывал идеи пангерманизма, призывая германскую расу творить судьбу мира, цивилизовать и заселять «дикие страны». Он даже разработал план «заселения» Венгрии и придунайских стран с целью создать немецко-венгерский рейх с южной границей от Адриатики до Черного моря. В значительной степени «возвращению» немецкой нации в «германское средневековье» содействовали такие «теоретики» «немецкой» миссии как Л. Ранке (1795–1866) и Генрих фон Трейчке (1834–1896). Рассматривая государство как демиурга исторического процесса, Ранке придавал ему почти мистическое

значение, характеризовал его как воплощение «божественной мысли», утверждал взгляд, согласно которому «политика могущества», «политика войны и завоеваний» рассматривалась как «органическая жизненная функция государства», способствующая его «гармоничному развитию» и т. п.¹³⁵.

В конце XIX в. ранкеанство выродилось в вульгарно-националистические идеи Трейчке, который был профессор Берлинского университета и пользовался среди шовинистических кругов Германии большой популярностью. В сущности, он был теоретическим столпом агрессивного государства Вильгельма II. Согласно его концепции, император должен обладать сильной властью, а подданным надлежит быть рабами. Послушание – единственная добродетель человека, твердил Трейчке. Он был крайним националистом, восхвалял прусский милитаризм, цинично доказывал, что «понятие государства включает в себя понятие войны, ибо суть государства – это власть». «Надежда на то, что войну удастся изгнать из жизни общества, – утверждал он, – является не только абсурдной, но и глубоко аморальной». Война, согласно автору, пробуждает «благороднейшие силы в душе человека», она – «наивысшее выражение мужественного начала». Мир же, напротив, приводит к «деградации народа». Трейчке был сторонником Немецкой социально-антисемитской партии, возглавлявшейся пастором Штеккером, полагая, что лишь с ее помощью «еще можно надеяться сломить господство... свободомыслящих и социал-демократию!»¹³⁶.

К сожалению, свой вклад в апологетику агрессивной войны вносили и серьезные немецкие мыслители. Так, основоположник философской антропологии М. Шелер в книге «Гений войны», вышедшей в свет в 1915 году, провозглашал, что война пробуждает людей ото сна и придает их переживаниям необходимую остроту. Она объясняет людям, кто они такие на самом деле. Шелер утверждал, что народы более ценные (прежде всего германцы – воинственный народ господ) должны управлять народами менее ценными. (M. Scheler. *Der Genius des Krieges*. Leipzig, 1915).

Шовинизм, национализм пронизывали все сферы государства, все сферы общественной жизни Германии, народное образование, даже религию. Правящие круги повсюду вбивали в головы людей идеи о превосходстве немецкой нации,

немецкой культуры, немецкой литературы, немецкого искусства, «доказывали», что человечество «должно» признать в немецком народе своего учителя и воспитателя, что грядет время, когда немцы в силу естественных, законов мировой истории и своего предназначения будут вершить судьбы человечества.

Об удушливой атмосфере, пронизывающей все сферы общественной и духовной жизни Германии, с волнением писал в 1905 г. писатель Р. Роллан: «Каждый раз, когда я приезжаю в Германию, меня охватывает удивление и в немалой степени страх, ибо немецкая нация производит впечатление одной огромной машины. Она способна есть, думать, желать и действовать как один человек. Я спрашиваю себя, как в таком странном государстве можно еще остаться индивидуальностью. От одного конца Германии до другого все эти люди в один определенный день, в один определенный час могут воодушевиться на любое, предпринятое государством, дело»¹³⁷. Беда была в том, что все пангерманистские, националистические, шовинистические идеи не оставались плодом лишь псевдотеоретических рассуждений маньяков-германофилов.

Появившиеся на этой основе замыслы разделяли руководящие политические деятели Германии. Бисмарк, например, в свое время также культивировал идею создания Германии, которая держала бы под своим ярмом другие народы, особенно славянские. Вильгельм II в своих речах постоянно говорил о Великой Германии, немецкой расе как высшей ценности культуры. Он доказывал, что война немцев якобы угодна богу, благословлена богом, что бог будто бы желает немецкой победы. Всех левых, выступавших против войны, Вильгельм пытался дискредитировать как «не немцев».

Т. Манн в романе «Доктор Фаустус» убедительно разоблачил идеи реакционного национализма, кастовости, каковыми были заражены многие немцы, убежденные в «избранности» немецкого народа, в его праве на духовную (а значит, и материальную, политическую) гегемонию.

И в Италии, особенно в предвоенные годы, «к сожалению, никто больше не хотел думать: разум был взят на подозрение, и, в конце концов, против него был начат процесс по всей форме. После иррационалистской оргии военная бойня была представлена как мистический ритуал, совершаемый перед

алтарями неведомого божества, в повседневном языке... утверждался культ жестокости... а институты, которые по давней традиции унаследовали защиту ценностей мира и доброй воли, никогда открыто не выступали против... политических режимов, лидеров и правительств, которые систематически попирали самые древние и священные законы человечности, — писал прогрессивный итальянский философ Э. Гарин. — Верно также, что бывшие передовые писатели не чувствовали больше никакой необходимости в отлучении тех, кто приносил в жертву миллионы несчастных на алтари новых языческих культов. Все это было последним этапом трагического упадка критики и исторического разума. Путаница в умах, неясность идей были выражением неуверенности мира, который после крушения старых порядков не сумел создать новые».

Разрешение кризиса «современного сознания» итальянские реакционные философы видели в реставрации «традиционно христианско-католической метафизики, которая будто бы всегда была хребтом всякой истинной и подлинной цивилизации, нерушимой основой всякой истинной и подлинной моральной концепции жизни», — отмечал Гарин и далее подчеркивал, что тем временем в Италии под сенью «реалистического» движения за возврат к ценностям традиции формировался фашизм¹³⁸.

Огромную роль в идейной подготовке фашизма в Италии сыграли Г. Д'Аннунцио и Э. Коррадини, решительные противники демократии и социализма, вдохновители национализма и империализма.

Г. Д'Аннунцио (1863–1938), поэт-декадент, проповедовал идеи самого исступленного обскурантизма, яростного национализма и шовинизма. Во всех его произведениях варьировались одни и те же мотивы: «Великая Италия» — наследница римской славы; Искусство — выше жизни, самое важное на свете — красота; людям нужна не правда, а Мечта; Страсть оправдывает любую жестокость. В политическом плане все это оборачивалось нападками на демократию, на «толпу», воспеванием культа силы и Вождя, восславлением войны как высшего проявления духовной силы и добродетелей народа¹³⁹.

Провозвестником и наиболее видным идеологом итальянского национализма выступал также и писатель Э. Корра-

дини. Он основал в 1903 г. журнал «Реньо» («Государство»), который популяризировал националистические идеи, боролся против социализма, защищал доктрину сильного государства, стоящего над индивидуумами.

Э. Коррадини решительно выступал против марксистского учения о классовой борьбе. Он доказывал, что противоречия существуют не между классами, а между нациями. В этой связи Коррадини и его сподвижники «обосновывали» теорию «европейской иерархии наций». Согласно этой «теории», Англия и Франция – это две «плутократические и статичные» нации, они богаты и самодовольны, у них есть колонии, они находятся в привилегированном положении. Наряду с ними есть две «пролетарские и динамичные» нации – Италия и Германия». У них нет колоний, они не могут обеспечить всех своих граждан работой, не могут поднять общий уровень жизни своих индивидов. Им необходимо наверстать то, чем они не обладают по вине плутократов. «Социалисты говорят, что буржуазия эксплуатирует рабочих, – писал Коррадини. – Допустим, что это так. Но нужно считаться с тем, что существуют пролетарские и плутократические нации. И подобно тому, как социалисты разъяснили пролетариату сущность и значение классовой борьбы, нужно разъяснить Италии ценность и смысл международной борьбы. Но международная борьба – это война? Ну что ж, пусть будет война. И национализм внушит Италии стремление к победоносной войне»¹⁴⁰.

Итальянские футуристы во главе с Маринетти также откровенно демонстрировали свою приверженность национализму, прославляли войну, эту единственную гигиену мира, милитаризм, патриотизм, уничтожительную деятельность анархистов – «прекраснейшие идеи, за которые можно умереть, презрев все слабое, женское». Одновременно они объявляли себя абсолютными противниками демократической партии и парламентской системы. Так, Маринетти провозглашал: мы хотим воспевать любовь к опасности, привычку к энергии и отваге. Главным элементом нашей поэзии будут: храбрость, бунт, дерзость. Если до сих пор литература воспевала задумчивость, неподвижность, экстаз и сон, то мы будем восхвалять наступательное движение, лихорадочную бессонницу, гимнастический шаг, опасный прыжок, оплеуху и удар кулака. Мы будем прославлять войну и т. д. и т. п.¹⁴¹

Под духовные знамена национализма и шовинизма стекалось все самое реакционное, самое развращенное, что имела Италия. Как отмечает Б.Р. Лопухов, идея необходимости для Италии новых земель и колоний находила своих приверженцев в самых различных слоях итальянского общества и проникла даже в рабочее движение¹⁴².

В конечном счете, националистическая фразеология, идеология «бедной и обиженной нации» служила оправданием агрессивных намерений итальянских монополий. Империалистические круги Италии жаждали новых колоний, богатых сырьевыми ресурсами; их агрессивность нашла свое наиболее яркое выражение в войне за захват Ливии в 1912 г. В то же время тот факт, что ряд территорий с преимущественно итальянским населением находился еще под властью Австро-Венгрии, давал идеологам итальянского империализма возможность хотя бы частично связать агрессивные империалистические замыслы с национально-освободительными задачами. Во всяком случае, в период первой мировой войны возникло так называемое движение революционного интервенционизма во главе с Муссолини, спекулировавшее на идеях «сближения» социализма и национализма¹⁴³.

В сущности, упадок, деградация духовной культуры, обесценение нравственных ценностей и моральных норм, апологетика шовинизма и насилия были характерной чертой всей капиталистической Европы. Они были обусловлены ростом социально-экономической и политической неустойчивости буржуазного мира, которая порождала сомнения в стабильности и закономерности общественного бытия, в возможности познания и предвидения хода исторических событий. В результате культ разума, свойственный периоду поступательного развития капитализма, уступил место иному кумиру – интуиции, мистицизму и иррационализму, а в общественно-политической сфере – волюнтаристскому активизму.

Наиболее популярным теоретиком иррационализма в Европе начала XX в. был французский философ А. Бергсон. Он отрицал познавательную силу разума, во всяком случае доказывал, что возможности интеллекта ограничены в основном познанием неодушевленной материи, тогда как «жизнь», «живое» познается только посредством интуиции,

мистического озарения. Бергсон отрицал интеллект, разум еще и потому, что его свойствами являются умозрительность, пассивность и т. п., в то время как интуиции якобы присущи активность, действие. «В целом бергсонизм,— пишет советский ученый В. Н. Кузнецов,— способствовал усилению в искусстве антиреалистических тенденций, а в политике — авантюризма и волюнтаризма»¹⁴⁴.

Разумеется, нельзя сводить истоки идеологии фашизма исключительно к неизбежному усилению иррационализма в буржуазной философии.

Действительно, в буржуазной философии всегда существовали и противодействовали две тенденции: рационалистическая и иррационалистическая. Рационалистическая (как правило, прогрессивная) была связана с реальной действительностью. Иррационалистическая, напротив, как правило, была консервативной, вела к мистике и формализму, отдавала предпочтение субъекту перед объектом, форме перед содержанием. Э. Никиш так объясняет подъем иррационализма: после поражения Наполеона европейские монархи объединились в борьбе с наследием Просвещения. Просвещение представлялось злостной необузданностью разума, его нужно было вновь насадить на цепь. Чувства заслуживали доверия больше, чем разум; ночь-тьма, скрывающая тайну, — казалась более надежной и священной, чем день-ясность разума. Мистический дурман больше способствовал монархическим интересам, чем трезвость рассудка. Все старое поднималось в цене...

Эта тяга к прошлому, к чувствам, это чаяние тайны нашли свое философское воплощение в романтизме. В ранний период романтизма даже такие чрезвычайно сильные умы, как Фридрих Шлегель, пытались показать необходимость отказа от господства разума. Романтизм способствовал распространению тех мыслей, которые были нужны для восстановления авторитарно-государственных интересов.

Тогдашнюю безрадостную действительность романтизм выставлял в таком свете, что она становилась как бы зачарованной и просветленной, ее нужно почитать и боготворить. Романтизм (скорее, бессознательно) пускал пыль в глаза бравому немцу-верноподданному, внушая ему, что он живет в чудесном, сказочном мире.

Поэтизированная романтиками природа противопоставляется разуму эпохи Просвещения, прогрессу, революционным движениям, подобно тому как ранее этот самый разум был противопоставлен Богу.

Позднее иррационализм в творениях буржуазных апологетов превратился, в сущности, в обскурантизм, агностицизм, страх перед новым, уход в мир грез, возвращение к мифу и т. д. и т. п. Поэтому Т. Манн был прав, когда писал, как опасно для писателя, ученого, просто человека искать прибежище в иррационализме: «В современной европейской литературе существует своего рода злоумышление против человеческого головного мозга, всегда казавшееся мне лишь снобистской и неумной формой самоотрицания. Да уж позволю себе сознаться, это антидуховное и антиинтеллектуальное движение... не внушает мне симпатии. Я уже давно его опасуюсь и борюсь с ним, потому что предвидел его жестокие, бесчеловечные последствия задолго до того, как они обнаружились со всей очевидностью... Там, где воцаряется мода на «иррациональность», там часто приносятся в жертву и с ребяческой беспечностью выбрасываются за борт достижения и принципы, которые не только делают европейца европейцем, но вообще человека — человеком. Подобное «возвращение к природе», думается мне, есть устремление... низменного свойства...»

Его старший сын — Клаус Манн, разделяя взгляды отца, также подчеркивал: «Словно можно сказать, будто есть закон, гласящий, что слишком явное влечение к иррациональному почти механически приводит к реакции в политике, если яростно этому не сопротивляться. Начинают с эффектного жеста, объявляя войну «цивилизации», — жест, я знаю, кажется очень привлекательным интеллектуалу. И вдруг оказывается, что вы уже за культ силы, вы уже за Гитлера»¹⁴⁵.

Важно различать политические позиции приверженцев иррационалистических концепций. Есть иррационализм и иррационализм. К фашизму вели неизбежно те варианты иррационализма, суть которых состояла в апологии темного инстинкта, в атавистическом недоверии к интеллекту, в презрении к человеку. Поэтому А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, О. Шпенглер, возможно, А. Бергсон и другие иррационалисты, изображавшие дело так, будто разум, мораль и т. п. «точно Мефистофель» угрожают «жизни своей кошунственной, сата-

нинской рукой»¹⁴⁶, безусловно «виновны», безусловно несут ответственность за формирование фашистских идей. Дело, конечно, не в том, что они, как личности, несут ответственность за кровавые преступления фашизма (тем более, что и совершены-то эти преступления были в другую историческую эпоху); возможно, что как личности они вовсе не виновны в том, как фашисты относились к их произведениям. Однако бесспорно то, что их нигилизм, миф о «сверхчеловеке», проповедь «воли к власти» и т. п. были использованы фашистскими идеологами, более того, стали «краеугольным камнем» фашистской идеологии в целом. С этой точки зрения проповедники иррационализма, оправдывавшие авторитарно-диктаторские методы политического господства в условиях либерально-буржуазной Европы, безусловно, идейно вооружали своих фашистских наследников.

Наряду с этим известно, что и буржуазный рационализм, переросший в XIX в. в фетишизацию науки и техники, в мистику вещей, также может быть антигуманным и аморальным, причем не менее чем иррационализм. При этом, разумеется, столь же неверно односторонне обвинять рационализм в появлении и утверждении идеологии фашизма, как это делают, например, «франкфуртские теоретики». По мнению, в частности, Т. Адорно и М. Хоркхаймера, именно просвещение, рационализм являются причиной того, что исторический прогресс нашел свое воплощение и завершение в Освенциме, в фашистских лагерях смерти. Согласно концепции Адорно и Хоркхаймера, разработанной ими в «Диалектике просвещения» и «Негативной диалектике», Освенцим — это единственно возможный, фатально необходимый, прямой и непосредственный итог всей западной культуры. Именно просвещение «виновато» в том, что конкретная человеческая индивидуальность подавляется и угнетается, именно просвещение — источник конформизма, того состояния духа, когда человек привыкает к самоподавлению и, более того, сам неизбежно становится послушным орудием угнетения других.

Конечно, фашисты насаждали конформизм и весьма активно им пользовались для осуществления своих чудовищных целей. Но утверждать, подобно Т. Адорно, что ссылаться на вечные ценности культуры — значит оказаться перед лицом опасности сделать из культуры новый род «крови и почвы»¹⁴⁷, абсурдно.

Именно вера в разум, прогресс, культуру, в вечные ценности Истины, Добра и Красоты подняли человечество на борьбу с фашизмом.

С разумом против сил смерти и разрушения! – так звучал в 30-е годы XX в. ответ антифашистов на фашистские угрозы оглушения и уничтожения людей. Так, посол Испанской республики во Франции во время открытия испанского павильона на Парижской всемирной выставке 1937 г. заявил: «В то время, как тупые и злые люди назойливо спрашивают, правда ли, что мы продали музей Прадо, мы защищаем его столь же решительно, как и другие музеи, которые фашистские самолеты с любовью бомбят. Мы строим новые школы, публикуем все больше книг. Мы содействуем делу культуры в той же мере, в какой укрепляем нашу обороняющуюся армию, или даже еще в большем объеме. Ибо мы знаем, что история народов определяется не взрывчатыми веществами, но всегда Разумом»¹⁴⁸.

В конечном счете фашизм, будучи идеологией самых реакционных, самых агрессивных кругов империалистической буржуазии, идущих на союз со всеми отжившими и отживающими силами, поддерживающих все дикости, зверства и преступления, и в идейном плане наследует, заимствует все реакционное, все жестокое, кровавое, бездуховное, содержащееся как (прежде всего) в иррационалистических, так и в рационалистических философских течениях. Фашизм отверг все великие заветы античной культуры, героическое наследие культуры Возрождения, отбросил гуманистические идеи Разума, Просвещения, Прогресса. Фашисты чужды и лучшим традициям национальной общественной мысли, национальной культуры.

Вместе с тем, отбрасывая все великое и прогрессивное в духовной культуре человечества, фашистские идеологи должны были выполнить социальный заказ своих хозяев: придать фашизму хотя бы видимость теоретической респектабельности, найти «идейных» предшественников гитлеризма, духовных предков Геббельса и Розенберга. Они встали с этой целью на путь грубой фальсификации истории общественной мысли, в том числе истории философии: с одной стороны, выводили на историческую авансцену лиц, чьи реакционные социальные идеи не оказали сколько-нибудь существенного влияния,

фактически не имели последователей ни при жизни, ни после смерти этих «мыслителей» (например, Пауль Лягард); с другой стороны, апеллировали к ряду крупных реакционных, и даже прогрессивных мыслителей, стремясь изобразить их в качестве своих непосредственных идейных предшественников.

Подобный фальсификаторский подход был присущ прежде всего самому Гитлеру. Он брал из изучаемых им учений только то, что соответствовало его эмоциональной оценке, его собственным представлениям. Так, отмечает В. Пруссаков, «он взял от Шопенгауэра фатализм и идею воли, но отбросил буддизм и пессимизм. Он позаимствовал у Ницше концепции эволюции, воли к власти и сверхчеловека, но «забыл», что великий философ твердо настаивал на том, что сверхчеловек обязан побороть не других, а самого себя. Он принял у Вагнера расизм, героизм и язычество, но отбросил его арианизированное христианство. От Блаватской, Чемберлена, фон Листа и Либенфельса он брал, что хотел, и абсолютно «забывал» о не соответствовавшем его собственному мировоззрению.

Он изучал восточные религии и хотя никак не мог согласиться с тем, что жизнь — бесконечный «круг страданий», ибо считал ее борьбой, в которой побеждает сильнейший, принял у них методы достижения трансцендентального сознания, находящегося за пределами рациональной мысли»¹⁴⁹.

Конечно, «ничто так не похоже на хамелеона, как фашистская идеология, — отмечал П. Тольятти. — Нельзя рассматривать фашистскую идеологию в отрыве от конкретной цели, которую фашизм намеревался достичь в определенный момент с помощью определенной идеологии»¹⁵⁰. Руководствуясь таким прагматическим подходом, фашистские идеологи искажали и учения своих реакционных предшественников. Однако, что касается главного, апелляции к мифу и мистике, апологии иррационализма и насилия, — то в этом фашисты следовали своим реакционным, антигуманистическим предшественникам безоговорочно.

Особенно это относится к «формированию» фашистских идей «расы» и «крови». Сами по себе эти идеи отнюдь не представляют собой чего-либо нового, оригинального. Если обратиться к истории, то можно увидеть, что все эксплуататорские классы, пытаясь возвести господство и угнетение в «вечный» и «неизменный» принцип природы и общества, не

раз обращались к подобного рода «теориям» о «высших» и «низших» расах.

В развернутом виде «теория» неравенства рас была изложена в середине XIX в. века во Франции идеологом феодальной аристократии графом А. де Гобино (1816–1882). В своем сочинении «Неравенство человеческих рас» автор выводил историю человечества из борьбы между высшими и низшими расами, провозглашая подлинно высшей и совершенной расой «северную, арийскую». При этом он утверждал, что феодальная аристократия в большей мере, чем другие классы, будто бы концентрирует в себе признаки арийской расы и поэтому имеет-де «естественное право» на господство¹⁵¹. И примечательно, что самыми чистыми арийцами Гобино объявлял германцев, живших западнее Рейна. Он провозглашал, что истинная культура произрастает исключительно из германских источников. Высшие ценности других народов пронизаны пульсацией германской крови. К. Маркс едко высмеял де Гобино за эти расистские бредни¹⁵². Но для фашистов, естественно, он стал «классиком».

Одним из реакционных «теоретиков», идеи которого привлекли внимание фашистских идеологов, был также Пауль Лягард (1827–1891). С позиций махрового обскурантизма Лягард сокрушался по поводу того, что «природа сделалась объектом науки; бог, покинув ее, уступил ее царство законам». Что касается исторических событий, то они, как утверждает Лягард, также не подчиняются каким-либо закономерностям, а управляются волею провидения. Лягард отвергал прогресс, культуру, просвещение. По его мнению, именно прогресс, культурный прогресс повинен в том, что возникла некая «неспособность к будущему». Неспособность к будущему – это неспособность истории повернуть вспять, к доисторическому «варварству». Он испытывал яростную ненависть к демократии и презрение к народным массам.

Еще большее влияние на фашистских идеологов оказал Х.С. Чемберлен (1855–1927). Сын английского адмирала, он ненавидел англичан так же фанатично, как и евреев. В 1901 г. этот автор опубликовал книгу «Основы девятнадцатого века», в которой предсказывал будущий триумф германской расы, германской культуры. Чемберлен даже провозглашал, что отцом Иисуса является немецкий кнехт, судьбою заброшенный

в Палестину; так что христианство вполне могло состояться без евреев, но без немцев оно бы не возникло. Фашистские идеологи так высоко оценивали Х.С. Чемберлена, что объявляли его «духовным отцом национал-социалистического движения».

Идейными предшественниками фашизма являлись также идеологи французской контрреволюционной мысли де Местр и де Бональд, яростно восстававшие против «принципов 1789 года».

Особенно широкое влияние антидемократические, расистские идеи получили во второй половине XIX в., в период духовного кризиса, охватившего Европу. Распространившийся в это время вульгарный социальный дарвинизм совратил многих людей, которые вдруг увидели в расах, нациях лишь замкнувшиеся в себе и ведущие друг с другом непрестанную и непримиримую борьбу за «выживание» изолированные «общности». Социал-дарвинисты О. Аммон, Л. Вольтман и другие механически переносили на человеческое общество, причем в извращенном виде, открытый Дарвином биологический закон естественного отбора. В результате они истолковывали конкуренцию и классовую борьбу в обществе, захватнические войны как биологические механизмы отбора.

Колониальная лихорадка, острейшее соперничество империалистических держав создавали благоприятную почву для процветания расистских, социал-дарвинистских и тому подобных концепций. Именно поэтому снова, к концу XIX в., приобрели большую популярность писания расистских идеологов вроде де Ляпужа, графа Гобино, Х.С. Чемберлена, Вольтмана и других, видевших смысл истории народов прежде всего в проявлении их расовых особенностей, в борьбе между «высшей» и «низшей» расами и т. д. В это же время возникли и получили широкое распространение всякого рода геополитические¹⁵³ теории, которые ставили развитие человеческого общества в прямую зависимость от географической среды – климата, наличия полезных ископаемых, плотности населения, размеров территории, географического положения той или иной страны и т. д. и т. п. В свое время – в эпоху восходящего капитализма – «географический детерминизм» являл собой попытку естественно-закономерного объяснения общества в противовес религиозно-мифологическому истол-

кованию истории. Однако в XIX в. «географический детерминизм» утрачивает свои прогрессивные черты и вырождается в политику борьбы за «жизненное пространство», в политику колониальных захватов. Все эти «идеи» позднее были усвоены и ассимилированы фашизмом.

Особое «внимание» фашистские идеологи оказывали Ф. Ницше (1844–1900). Фашисты беспрестанно ссылались на Ницше, объявляли его предтечей фашистской «философии». Так, А. Боймлер, официальный философ гитлеровского режима, прославлял Ницше за «борьбу против знания», за «атаку на картезианство». По Боймлеру, Ф. Ницше – первый философ реализма, «самобытного» реализма, в основе которого лежит господство инстинктов и концепция сверхчеловека, придающего смысл Жизни и т. д. и т. п.¹⁵⁴.

Тем не менее, что касается марксистов, то они, разумеется, далеки от прямолинейности в трактовке темы «Ницше и фашисты». Как пишет С.Ф. Одуев, «теоретическое наследие Ницше принадлежит буржуазной немецкой философии, а не только фашизму, под флагом которого справляли свой кровавый триумф наиболее агрессивные и реакционные круги германского империализма... У нас нет претензии на это наследие, и мы должны предъявить ницшеанству свой счет за ту его роль, которую объективно оно сыграло и в фашистском рейхе»¹⁵⁵.

Чем привлекал фашистов Ф. Ницше? Философия Ф. Ницше сложилась в 70–80-е годы XIX столетия, когда появились первые признаки упадка старого, основывавшегося на принципе свободной конкуренции капитализма. В конце XIX в. монополизация капитала уже потребовала выхода за узкие рамки национального рынка. Крупнейшие капиталистические державы – Англия, Германия, Франция, Италия и США вступили в конкурентную борьбу за мировое господство и передел мира. Переход к монополистическому капитализму неизбежно сопровождался кризисом буржуазной демократии, ее отрицанием, переходом к насильственным террористическим методам социального и политического управления.

Отказ от демократических прогрессивных тенденций в высшей степени был присущ и идеологии империализма. Идеологи империалистической буржуазии открыто поверну-

лись к реакции, заимствуя соответствующие элементы из прежних реакционных течений, формируя новые.

Именно в условиях зарождающегося империализма и лежат корни ницшеанской апологетики насилия, антидемократизма и антигуманизма, считает, в частности, советский ученый А.С. Богомолов. «С редкой откровенностью, в блестящей литературной форме он (Ницше) излагает глубоко реакционные концепции, предвосхитившие не только идеологию, но и практику монополистического капитализма, отражающие не только наличные, но еще только нарождающиеся противоречия капиталистического общества, — пишет А.С. Богомолов. — Необычайно противоречивое по своему содержанию... учение Ницше столь же необычайно целеустремленно, полностью подчиняясь логике классовой борьбы — борьбы умирающего класса капиталистов против будущего, социализма и коммунизма»¹⁵⁶. Эта оценка, с современной точки зрения, слишком однозначная, жесткая и упрощенная. Но, тем не менее, Ницше давал повод и для такой оценки и для использования своих идей фашистскими «теоретиками».

Ницше призвал к «великому разрыву» с прошлым. По Ницше, только в момент «великого разрыва» происходит рождение свободного духа: «Великий разрыв происходит внезапно, как подземный толчок: юная душа сразу сотрясается, отрывается, вырывается — она сама не понимает, что с ней происходит. Её влечет и гонит что-то, точно приказание; в ней просыпается желание и стремление уйти, все равно куда, во что то бы то ни стало;... Внезапный ужас и подозрение против того, что она любила, молния презрения к тому, что звалось её «обязанностью», бунтующий, произвольный, вулканически пробивающийся порыв к странствию» (Ницше. Соч. в 2-х томах, т. 1, стр. 234).

Ницше настойчиво требовал выработки «сверхчеловека» — высшего типа человека. Только сильные люди, проявляющие себя в том, что они имеют волю к власти и властвуют, требуя подчинения, составляют, по мнению Ницше, счастье и надежду человечества. Охваченный «волей к власти» «сверхчеловек» отвергает проблему истины и лжи как совершенно бессмысленную. По Ницше, культ истины в познании, подобно культу добра в морали, придумала толпа, враждебная сверхчеловеку, стремящаяся только выжить. Сверхчеловек,

стремящийся к власти, не ставит вопроса о соответствии или несоответствии знания действительности; для него познание — это «воля к власти»¹⁵⁷. Познание полезно человеку прежде всего биологически, поскольку повышает уровень его воли. Сверхчеловеку нужна не истина вообще, а исключительно лишь полезная ему истина, или, говоря еще точнее, лишь все, что ему полезно, будь то истина, полуистина или ложь¹⁵⁸.

Идеалом общественного устройства Ф. Ницше провозглашал жестко-иерархический сословно-кастовый строй. Только в этом случае, по его мнению, может быть обеспечено и гарантировано существование и господство «высших» людей. С особой ненавистью Ф. Ницше говорил о «рабах демократического вкуса», стремящихся утвердить равенство всех перед законом, о всех тех, которые, по его мнению, являются сторонниками социализма. Его больше всего возмущает то, что социалисты провозглашают возможность для всех жить свободной, обеспеченной жизнью; в этом видит он «отрицание воли к жизни», ибо, согласно законам Жизни, утверждал Ф. Ницше, люди делятся на повелевающих и повинующихся, на господ и рабов, на эксплуататоров и эксплуатируемых. Философ был открытым врагом рабочего класса, рабочего движения. Он открыто провозглашал право эксплуатации, заявляя, что оно является сущностью самой жизни, следствием настоящей воли к власти. Для достижения и осуществления власти сильным позволено все; сильные должны считаться только с сильными, по отношению к слабым не может быть никаких моральных и нравственных норм.

Ницше призывал «высших» не забывать о своих привилегиях, о своем призвании быть господами земли и твердо помнить о том, что вся цивилизация и весь труд «низших» людей предназначен для наслаждения «высших». «Высшие» могут и должны защищать свое господство всеми средствами, опираться на самую жестокую диктатуру и тиранию. Ведь массы — это стадо, нуждающееся в железной воле, они готовы подчиняться какому угодно рабству, если только будут чувствовать, что лица, стоящие над ними, обладают «высшей формой» и тем самым доказывают свое превосходство и право повелевать другими.

Ф. Ницше дал «высшим» принципы моральной идеологии, которым они должны следовать, чтобы отстоять свое

господство и удерживать массы в повиновении. «Господа земли» должны составлять сплоченный, замкнутый коллектив. Среди равных себе они должны строго придерживаться определенных обычаев, традиций и обнаруживать высокие человеческие качества: верность, долг, честь, любовь, дружбу, великодушие. Но вне своего круга они освобождаются от всяких социальных и моральных уз. По отношению к другим человеческим индивидуумам они должны быть подобны хищным зверям.

Будьте тверды!.. — такова основная заповедь, с которой Ф. Ницше обращается к «высшим». Пусть ваши сердца не знают сострадания к поработанным вами людям, пусть не дрогнут они при виде мук и ужасов эксплуатации, на которые обречены «низшие» вашим господством. Отбросьте угрызения совести, добродетель и осторожность, не стыдитесь своей жестокости.

В трудах Ф. Ницше, бесспорно, можно обнаружить и прославление войны. «Отказываешься от великой жизни, — утверждал он, — если отказываешься от войны». И далее: «Человечество нуждается не только в войнах вообще, но в величайших, ужасающих войнах, следовательно, и во временных возвратах к состоянию варварства. Лишь война делает людей естественными, она волнует и разжигает кровь, пробуждает в людях новые силы к творчеству. Поэтому только война может излечить и спасти человечество»¹⁵⁹.

Фашистам не составляло большого труда использовать идеи Ф. Ницше для обоснования своей человеконенавистнической идеологии. Хотя, следует отметить, что Ф. Ницше отнюдь не считал именно немецкого обывателя будущим властелином мира. Напротив, он неоднократно заявлял, что немцы «пошлы», что Германия портит культуру, как только она с ней соприкасается. Философ не был антисемитом, не восхищался пруссачеством. Тем не менее пафос его мировоззрения, его критика цивилизации, разума, науки, отрицание демократии, морали, его апологетика инстинкта, воли к власти, насилия — все это широко использовалось фашистами для обоснования и оправдания своей идеологии.

Фашистские главари сами не раз признавали «великие заслуги» Ницше в идейной подготовке фашизма. «Идеолог» немецкого фашизма А. Розенберг, да и сам Гитлер, высоко

оценивали Ницше за его нападки на «материалистическую чуму», за его борьбу против «безумия масс». Муссолини в 1908 г. даже написал большое эссе о Ф. Ницше «Философия силы», в котором утверждал, что Ф. Ницше — самый гениальный мыслитель XIX века, что «сверхчеловек — это великолепный символ, имеющий огромное значение для формирования европейского сознания» и т. д. и т. п. Фашистские идеологи (Клагес, Боймлер и др.) в полной мере разделяли все эти оценки и на их фундаменте формировали идеологию фашизма.

Да, фашисты передергивали, искажали, фальсифицировали взгляды Ф. Ницше. Но вопрос в том, почему им это удалось? Было немало великих немцев, наследие которых фашисты пытались эксплуатировать, но ведь ничьи идеи они не смогли в такой мере интерпретировать, в такой мере превратить их в «краеугольные камни» своей идеологии, как идеи Ницше. Я думаю: иррационализм, бегство мысли в агностицизм, апология инстинкта, недоверие к интеллекту, «обвальный» призыв к переоценке ценностей, отрицание морали, сострадания к слабым, возвращение к мифу, проповедь «воли к власти», «сверхчеловека» и т. п. могут быть использованы в реакционных целях (даже вопреки намерениям самого автора подобных философских построений), и в этом смысле мыслитель, исповедующий эти идеи, безусловно, «виновен», безусловно, несет ответственность, историческую ответственность за то, что они, эти идеи, были и могут быть использованы реакционерами.

И все же наше время требует разъяснения и переоценки многих идей Ф. Ницше, да и всего его наследия.

Автор предисловия к двухтомному собранию сочинений Ф. Ницше, вышедших в СССР, К.А. Свасьян призывает раз и навсегда избавиться от псевдо-Ницше, «состряпанного» псевдоправедниками. Говорят: Ницше — это «толкни слабого» и значит ату его!

Но о каком это «слабом» идет речь? Вот что пишет Ф. Ницше в «По ту сторону добра и зла», афоризм 225: «Воспитание страдания, великого страдания — разве Вы не знаете, что только это воспитание во всем возвышало до сих пор человека?.. В человеке тварь и творец соединены воедино: в человеке есть материал, обломок, избыток, глина, грязь, бессмыслица, хаос; но в человеке есть и творец, ваятель,

твердость молота, божественный зритель и седьмой день — понимаете ли вы это противоречие? И понимаете ли вы, что ваше сострадание относится к «твари в человеке», к тому, что должно быть сформовано, сломано, выковано, разорвано, обожжено, закалено, очищено, — к тому, что страдает по необходимости и должно страдать? А наше сострадание — разве вы не понимаете, к кому относится наше обратное сострадание, когда оно защищается от вашего сострадания, как от самой худшей изнеженности и слабости?»

Философия Ф. Ницше, пишет К.А. Свасьян, — это уникальный и всей жизнью осуществленный эксперимент саморазрушения «твари» в человеке для самосозидания в нем «творца», названного «сверхчеловеком». Нужно было выпутываться из тягчайшей антиномии: мораль или свобода, предположив, что традиционная мораль, извне предписывающая человеку целую систему запретов и декретов, могла опираться только на презумпцию несвободы. Выбор был сделан в пользу свободы — скажем так: свобода от морали, но и свобода для морали, где мораль изживалась бы уже не командными методами общезначимых императивов, а как моральная фантазия свободного индивидуума. Этого последнего шага не сделал Ницше, но все, что он сделал и не могло уже быть ничем иным, как подведением к этому шагу. «Мы должны были освободиться от морали...» — вот что было в нем услышано. И вот что не услышано — продолжение: «...чтобы суметь морально жить».

Лейтмотив философии Ф. Ницше, продолжает К.А. Свасьян, — «стань тем, кто ты есть»; пробуждение личной воли (и, значит, внутренней свободы) сопровождается у него растущим умением говорить «нет» всему общеобязательному и общезначимому и уже постольку не — индивидуальному... в сущности, речь идет о некоем аналоге коперниканской парадигмы: Я, вращавшееся прежде вокруг объективного мира ценностей (моральных, религиозных, научных, каких угодно) отказывается впредь быть периферией этого центра и хочет само стать центром, самолично определяющим себе меру и качество собственной ценностной галактики. Дело еще в том, считает К.А. Свасьян, что Ницше, несравненный артист языка, находивший слова, «разрывающие сердце Богу», и — коварный парадокс! — почти никогда не находивший слов, смогших бы

раз и навсегда пресечь лавину будущих кривотолков в связи с собственным добрым именем и глубочайшими интенциями своего учения.

В рассуждениях К.А. Свасьяна, бесспорно, есть истина, есть правда. Тем не менее, в творчестве Ф. Ницше содержится много спорного, много неприемлемого. Но, безусловно, ясно: фашисты искажали наследие Ф. Ницше. Ницше никогда не был националистом, напротив, часто был критиком немцев. Вот что он говорит о немцах: «Немцы лишили Европу последнего великого урожая культуры – урожая Ренессанса. Ренессанс был великой переоценкой христианских ценностей, попыткой присудить победу... ценностям аристократическим... Победила бы Жизнь, Великое Да, обращенное ко всему новому, прекрасному, дерзновенному!..» Но Лютер, выразитель плебейского духа массы, восстановил церковь, лишил Ренессанс смысла. «Ах, эти немцы, во что они нам встали? Любое «напрасно» – дело рук немцев... Реформация, Лейбниц, Кант и так называемая немецкая философия; ...признаю: они мои враги, эти немцы; презираю в них нечистоплотность понятий и ценностей, презираю их боязнь прямого и честного Да и Нет. За тысячу лет они все залапали и свалили, чего не касались; любая половинчатость, любая трех четвертность, все недуги Европы – все на их совести...»

Ф. Ницше – основоположник тоталитаризма? Тоже нет. Вот что Ницше пишет о государстве: новый кумир. Государством зовется самое холодное из всех чудовищ. Холодно лжет оно; и вот какая ложь выползает из губ его: «Я, государство, я – это народ».

Там, где еще существует народ, настоящий народ, он не понимает государства и ненавидит его как дурной глаз и посягательство на исконные права и обычаи.

Государство лжет на всех языках добра и зла; и в речах своих оно лживо, и все, что имеет оно, – украдено им. Фальшь у него во всем... Оно всех подавляет, всех запугивает. Трон власти! Часто грязь восседает на троне – и трон нередко стоит в грязи! Только там, где кончается государство, начинается человек... – подчеркивает Ф. Ницше.

Истина доказывается кровью? Нет, пишет Ницше, «кровь – наихудшее свидетельство истины, ибо отравляет она самое

чистое учение, превращает его в заблуждение и ненависть сердца».

И вот, что говорит Ницше о славянах: «Одаренность славян казалась мне более высокой, чем одаренность немцев, я даже думал, что немцы вошли в ряд одаренных наций лишь благодаря сильной примеси славянской крови». И далее: «Мы нуждаемся в безусловном сближении с Россией... Сращение немецкой и славянской расы».

Еще один сюжет по поводу национализма и расизма. «Торговля и промышленность, общение через письма и книги, общность всей высокой культуры, быстрая перемена дома и местности, теперешняя кочевая жизнь всех — землевладельцев — все эти условия неизбежно ведут за собой ослабление и в конце концов уничтожение наций, по крайней мере европейских; так что из всех них, в результате непрерывных скрещиваний, должна возникнуть смешанная раса — раса европейского человека.

Этой цели сознательно или бессознательно противодействует теперь обоснование наций через возбуждение национальной вражды, но все же смешение медленно подвигается вперед, несмотря на временные обратные течения; этот искусственный национализм, впрочем, столь же опасен, как был опасен искусственный католицизм, ибо он, по существу, есть насильственное чрезвычайное и осадное положение, которое немногие устанавливают над многими, и нуждается в хитрости, лжи и насилии, чтобы сохранить свою репутацию. Не интерес многих (народов), как обыкновенно говорится, а прежде всего интерес правящих династий, далее — определенных классов торговли и общества влечет к национализму; кто раз постиг это, тот должен безбоязненно выдавать себя за доброго европейца и активно содействовать слиянию наций».

Так говорил, так писал подлинный Ф. Ницше.

(Продолжение в третьей части)

Примечания

- ⁹⁸ См.: Германский империализм и милитаризм. – М., 1965. С. 2; см. также: История второй мировой войны, 1939–1945. – М., 1973. Т. 1. С. 20.
- ⁹⁹ Цит. по: Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 76.
- ¹⁰⁰ Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. – Кишнев, 1981. С. 205.
- ¹⁰¹ Цит. по: Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 134.
- ¹⁰² У. Черчилль. Мускулы мира. – М., 2005. С. 47.
- ¹⁰³ Боркин Дж. Преступление и наказание «ИГ Фарбениндустри». – М., 1982. С. 141.
- ¹⁰⁴ Антифашистское движение Сопротивления. – М., 1962. С. 336.
- ¹⁰⁵ Мэллалли Ф. Фашизм в Англии. – М., 1947. С. 84.
- ¹⁰⁶ См. там же. С. 113.
- ¹⁰⁷ См. там же. С. 71.
- ¹⁰⁸ Т. Манн отмечал, что сопротивление Гитлеру запоздало еще и потому, что не только лидеры, но и «общественность» Запада не сразу поняли опасность фашизма. Именно по этой причине, – продолжал он, – у нас, немцев внутренней и внешней эмиграции, в Европе долгое время не было моральной опоры.
- ¹⁰⁹ См.: Норден А. Так делаются войны. – М., 1972. По итальянским данным, в испанской войне на стороне Франко участвовало около 150 тыс. солдат Муссолини. О масштабах участия Германии можно судить по тому факту, что гитлеровцы, которые никогда не публиковали сведений о численности направленных в Испанию солдат, наградили 25 тыс. солдат и офицеров всех родов войск особой медалью за заслуги в войне против испанского народа.
- ¹¹⁰ Далем Ф. Накануне второй мировой войны. 1938 г. – август 1939 г. Воспоминания. – М., 1982. Т. 1. С. 211.
- ¹¹¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1974. Т. 1. С. 178. Примечательно, что в то время, когда стало очевидным как интенсивно готовится немецкий вермахт к войне, нападениям на Бельгию, Францию, Нидерланды, Люксембург, западные державы, ослепленные ненавистью к СССР, вынашивали планы бомбардировки нефтяных районов Северного Кавказа с территорий Ирака и Сирии.
- ¹¹² Цит. по: История второй мировой войны. 1939–1945. – М., 1982. Т. 12. С. 19.
- ¹¹³ См.: De Gaulle. Memoires de guerre. – Paris., 1954. Vol. 1 P. 66, 67.
- ¹¹⁴ Торез М. Избранные произведения. – М, 1959. Т. 1 (1939–1944 годы). С. 552.
- ¹¹⁵ Дюкло Ж. Избранные произведения. – М., 1959. Т. 11. С. 547.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ См.: Боффа Джузеппе. История Советского Союза. – М., 1990.
- ¹¹⁸ Фест И. Гитлер. С. 153.
- ¹¹⁹ Aron R. Histoire de Vichy 1940–1944. P. 511.

- ¹²⁰ Bracher K.-D., Funke M., Jakobson H.-A. (Hrsg.). National-Sozialistische Diktatur. 1933–1945. – Köln, 1960. S. 154.
- ¹²¹ См.: История второй мировой войны. Т. 1. С. 56.
- ¹²² Neurohr. Der Mythos vom Dritten Reich. – Stuttgart, 1957. S. 38.
- ¹²³ Манн Г. Соч. – М., 1957. Т. 3. С. 58, 59.
- ¹²⁴ Бонхёффер Д. Соппротивление и покорность. – М., 1994. С. 31.
- ¹²⁵ Черный О. Немецкая трагедия. – М., 1971. С. 3–4.
- ¹²⁶ Вольф Ф. Искусство – оружие. – М., 1967. С. 365, 366.
- ¹²⁷ См.: М. Хайдеггер / К. Ясперс. Переписка. С. 347, 348.
- ¹²⁸ Абуш А. Ложный путь одной нации. С. 250, 251.
- ¹²⁹ См.: XIII Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. – М., 1934; Палм Датт Р. Фашизм и социалистическая революция. – М., 1935.
- ¹³⁰ Цит. по: Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. – М., 1953. С. 125.
- ¹³¹ Мэллалли Ф. Фашизм в Англии. – М., 1947. С. 43, 44.
- ¹³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 148.
- ¹³³ Арисменди Р. VII конгресс Коминтерна и фашизм в Латинской Америке. – М., 1977. С. 48. Глава 3
- ¹³⁴ Цит. по: Richard L. Deutscher Faschismus und Kultur. – Berlin, 1982. S. 37.
- ¹³⁵ Вайнштейн О.А. Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография. – В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. – М.; Л., 1961. С. 130.
- ¹³⁶ См.: Германская история. Т. I. С. 397.
- ¹³⁷ Цит. по: Richard L. Deutscher Faschismus und Kultur. S. 36.
- ¹³⁸ Гарин Э. Хроника итальянской философии XX в. – М., 1964. С. 324.
- ¹³⁹ Там же. С. 286 и далее; Кин. Ц.И. Итальянские светотени. – М., 1975.
- ¹⁴⁰ Цит. по: Кин Ц. И. Италия на рубеже веков. С. 123.
- ¹⁴¹ См.: Манифест итальянского футуризма. – М., 1914. С. 1.
- ¹⁴² Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. 1919–1929 гг. – М., 1968.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Кузнецов В.Н. Французская буржуазная философия XX в. – М., 1970. С. 79.
- ¹⁴⁵ Цит. по: Кин Ц.И. Итальянские светотени. С. 247.
- ¹⁴⁶ См.: Манн Т. Собр. соч. – М., 1964. Т. 10. С. 372.
- ¹⁴⁷ Adorno Th. Negative Dealektik. – Fr. am M., 1996. S. 357.
- ¹⁴⁸ Цит. по: Richard L. Deutscher Faschismus und Kultur. S. 157.
- ¹⁴⁹ См.: Пруссаков В. Оккультный мессия и его рейх. – Нью-Йорк; Москва, 1991. С. 167.
- ¹⁵⁰ Тольятти П. Лекции о фашизме... С. 17, 18.
- ¹⁵¹ Позднее соотечественник Гобино де Ляпуж видоизменил «теорию» Гобино, отождествив «северную» расу с буржуазией.
- ¹⁵² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 546.
- ¹⁵³ Термин «геополитика» был введен в обращение шведско-немецким юристом Рудольфом Челленом, который хотел тем самым подчеркнуть связь между географическим пространством и политикой государства.
- ¹⁵⁴ Baumler A. Nitsche – der Philosoph und Politiker. – Leipzig, 1931. S. 16.
- ¹⁵⁵ Одуев С.Ф. Тропами Заратустры. – М., 1971. С. 200.
- ¹⁵⁶ Богомолов А.С. Немецкая буржуазная философия после 1865 года. – М., 1969. С. 115.
- ¹⁵⁷ См.: Ницше Ф. Полн. собр. соч. – М., 1912. Т. 7. С. 235.
- ¹⁵⁸ Там же. Т. 2. С. 258.
- ¹⁵⁹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 38.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ
ЦЕНТРА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

Серия
«Библиотечка Центра развития
социально-гуманитарных проектов»

Из цикла
«ИМИДЖ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ»
праваистории.рф
truthrussia.ru

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ
БЕССОНОВ

СОВЕТСКИЙ НАРОД – СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
В четырех частях. Часть вторая

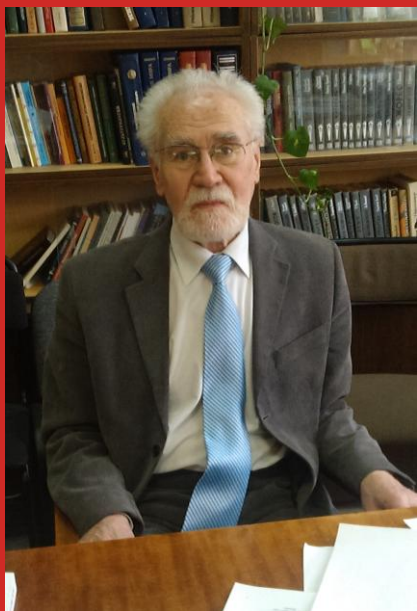
ISBN 9785913671158

Академия гуманитарных исследований
Издательский дом «Гуманитарий»
E-mail: academyrh@list.ru

Технический редактор Л.О.Осепян
Верстка: А.А. Львова, Е.И. Романова, В.М. Топилина

Формат 60x90/16. Печать цифровая.
Бумага офсетная №1. Печ.л. 3,5. Тираж 2400. Заказ
Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
Москва, 127238, Ильменский пр., д. 1, стр. 6.

Борис Николаевич Бессонов – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных исследований.

Борис Николаевич – известный российский ученый-обществовед, автор многочисленных научных монографий и статей по проблемам политической философии и социально-политической теории.

Борис Николаевич Бессонов был ответственным работником ЦК КПСС, в 1984 – 1987 гг. консультантом, затем – руководителем группы консультантов отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, в 1979 – 1981 гг. был руководителем группы советских консультантов в отделе внутрипартийной учебы ЦК КП Кубы.

В 1987 – 1991 гг. Борис Николаевич заведовал кафедрой философии Академии общественных наук при ЦК КПСС, а с 1991 г. по 1994 г. – кафедрой философии Академии государственной службы при Президенте РФ.

С 1994 г. по 2001 г. работал в Российском Государственном торгово-экономическом университете (РГТЭУ) в качестве проректора, а с 2001 г. по 2005 г. – в качестве директора института социально-гуманитарных наук РГТЭУ.

С 2005 г. по настоящее время Борис Николаевич заведует общеуниверситетской кафедрой философии и религиоведения Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Большинство своих произведений, в том числе многие книги и статьи, Борис Николаевич Бессонов посвятил разоблачению бесчеловечной идеологии и преступной политики фашизма, убедительному показу великой духовной силы советских людей, сокрушивших фашизм и спасших человечество от фашистского варварства и порабощения.